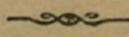

R 458 / 49

9570

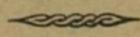
901-81
4680a

**ЧТО ТАКОЕ
КОРАНЪ?**

Н. Остроумова.

По поводу статей Г.г. Гаспринска-
го, Девлетъ - Бильдеева и Мурзы-
Алима.

Ташкентъ.

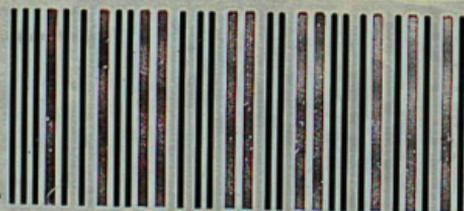
Типографія, арендуемая О. В. Базилевскимъ.

1883.

Перепечатано изъ №№ 1—10 „Туркестанскихъ
Вѣдомостей“ за 1883 годъ.

4544-81

2007096192

Автору настоящей статьи представляется излишнимъ объяснять подробно читателю, почему имъ выбрана такая тема. Кому изъ насъ, русскихъ жителей Туркестана, не приходилось невольно задавать себѣ вопросъ, поставленный въ началѣ статьи? И многие ли изъ насъ могутъ сказать съ увѣренностью, что отвѣтъ на этотъ вопросъ имъ извѣстенъ? А между тѣмъ намъ, правителямъ такой обширной мусульманской страны, безусловно необходимо имѣть ясный, точный и отчетливый отвѣтъ на вопросъ: „*Что такое коранъ?*“.... Вотъ почему авторъ печатаемой статьи позволяетъ себѣ сдѣлать попытку отвѣчать на этотъ серьезный и важный вопросъ (1).

„*Коранъ*“ — слово арабское и служитъ названіемъ религіозно-законодательнаго кодекс-

(1) Серьезность и важность этого вопроса, особенно для насъ, русскихъ, будетъ постепенно открываться изъ содержанія статьи.

са мусульманъ, хотя не только съ точно-
стію, но и приблизительно не указываетъ
на содержаніе этого кодекса. На мусульман-
скомъ востокѣ, какъ и вообще на востокѣ,
до настоящаго времени, а тѣмъ болѣе въ
древнее время, книгамъ весьма рѣдко дава-
лись точныя названія, опредѣленно указы-
вающія на ихъ содержаніе, какъ это дѣлает-
ся у западныхъ народовъ, въ Европѣ. У
восточныхъ народовъ заглавія книгъ или от-
личаются изысканностью и вычурностію, или
же бываютъ до такой степени просты и об-
щи, что въ обоихъ случаяхъ, по такимъ за-
главіямъ, бываетъ трудно и даже невозмож-
но составить болѣе или менѣе точное пред-
ставленіе о содержаніи книгъ. Въ самомъ
дѣлѣ, мы привыкли соединять съ выраже-
ніемъ „*коранъ*“ представленіе объ основномъ
религіозно-законодательномъ кодексѣ мусуль-
манъ, подобно тому, какъ подъ именемъ
„*Библии*“ мы всегда разумѣемъ всѣ священ-
ныя книги ветхаго и новаго завѣтовъ, хотя
приведенныя названія не указываютъ опре-
дѣленно на содержаніе этихъ кодексовъ.
Греческое выраженіе „*Библия*“, въ букваль-
номъ своемъ значеніи, можетъ быть прило-
жено къ каждому литературному сборнику,
состоящему изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ со-
чиненій или книгъ, имѣющихъ одну цѣль,
одно назначеніе, хотя-бы содержаніе каж-
дой отдѣльной книги было отлично отъ со-

держанія прочихъ книгъ. Но названіе „*Библия*“ освящено временемъ и употребленіемъ, и мы всегда соединяемъ съ этимъ названіемъ извѣстное, строго опредѣленное представленіе, какъ о сборникѣ священно-историческихъ, законодательныхъ и пророческихъ книгъ евреевъ. Точно также и арабское выраженіе „*коранъ*“, съ равнымъ правомъ, можно придать любой книгѣ, любому сочиненію, назначенному для чтенія, такъ какъ это выраженіе означаетъ буквально *чтеніе*, происходя отъ арабскаго глагола „*караа*“ — *читать*. Но время и употребленіе установили за этимъ выраженіемъ тотъ смыслъ, какой приданъ былъ ему еще Мухаммедомъ, какъ религіозно-законодательному кодексу мусульманъ, и не только по отношенію ко всей этой книгѣ, но и по отношенію къ каждой отдѣльной ея части (1). Почему-же такое слишкомъ общее названіе придано было книгѣ, столь выдающейся изъ ряда обыкновенныхъ книгъ?—Потому, что оно было въ духѣ арабовъ и потому, что Мухаммедъ, называя свои проповѣди „*кораномъ*“ (2), хотѣлъ подражать современнымъ ему евреямъ, которые называли свои священныя книги и отдѣльныя ихъ части „*микра*“, т. е. *чтеніе*

(1) Коранъ, гл. 10, ст. 16; гл. 15, ст. 1; гл. 17, ст. 47—50; гл. 20, ст. 113.

(2) Коранъ, гл. 56, ст. 76: „Это ученіе есть досточтимый коранъ“.

—выраженіемъ одного корня въ арабскомъ и еврейскомъ, близко родственныхъ между собою языкахъ.

Также обще и неопредѣленно и другое, арабское-же, названіе корана, именно: „*фурканъ*“ или „*аль-фурканъ*“, означающее буквально *отдѣленіе*, различіе, т. е. истины отъ лжи, добра отъ зла. Это названіе придано корану также самимъ Мухаммедомъ ⁽¹⁾ на томъ основаніи, что заключающееся въ немъ ученіе служитъ руководствомъ для мусульманъ въ области религіи и даетъ имъ возможность *отличать* истинное ученіе отъ Бо́го отъ ложныхъ ученій, добро отъ зла и т. д., и придано было корану также изъ подражанія іудеямъ, называвшимъ разные отдѣлы своего писанія выраженіемъ „*перекъ*“, которое, по значенію своему, совершенно тождественно съ приведеннымъ арабскимъ выраженіемъ „*фурканъ*“.

Коранъ называется также писаніемъ (*аль-китабъ*) ниспосланнымъ Богомъ ⁽²⁾, или писаніемъ Божиимъ, въ соотвѣтствіе названію ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ книгъ вы-

⁽¹⁾ Въ гл. 25, ст. 1 корана читаемъ: „Благословенъ тотъ, кто ниспослалъ рабу своему (т. е. Мухаммеду) *фурканъ* для того, чтобы онъ былъ учителемъ мірамъ“. Въ гл. 3, ст. 1, читаемъ: Онъ (т. е. Богъ) прежде ниспослалъ Законъ и Евангеліе въ руководство людямъ, а нынѣ—этотъ *фурканъ*.

⁽²⁾ Коранъ, гл. 6, ст. 92; гл. 2, ст. 1.

раженіемъ „священное писаніе“. Подобно христіанскому выраженію „Слово Божіе“, коранъ называется „кяляму-ллахи“ (1), т. е. слово Божіе или же „кяляму - ш - шерифъ“, т. е. благородное, превосходное слово, а также „откровеніемъ Божіимъ“ (2). Коранъ называется еще „превосходнымъ свиткомъ“ (мусхафу-ш-шерифъ) очевидно, отъ формы матеріала, какую придавали спискамъ книгъ на востокѣ (3).—Кромѣ приведенныхъ, наиболѣе употребительныхъ названій корана и обыкновенно обозначаемыхъ на заглавныхъ листахъ этой книги, ему придаются еще слѣдующія: „Великій, мудрый, славный, досточтимый, чудный, истина, благовѣстіе, милость, врачество сердець, руководство на прямой путь, озареніе, драгоценное писаніе, писаніе ясно изложенное, ученіе, ученіе мудрое, увѣщаніе, ученіе Мухаммеду и его народу, судебникъ для арабовъ, ученіе мірамъ“ (4). Изъ всѣхъ этихъ названій и эпи-

(1) Коранъ, гл. 2, ст. 70; гл. 9, ст. 6; гл. 48, ст. 15.

(2) Коранъ, гл. 21, ст. 46; гл. 53, ст. 4. Въ томъ же смыслѣ употребляется въ коранѣ выраженіе *тляиль* означающее буквально „ниспосланіе съ неба“ гл. 6, ст. 92; гл. 17, ст. 107; гл. 20, ст. 3, 26, 192; гл. 29, ст. 46; гл. 42, ст. 5; гл. 56, ст. 78; гл. 76, ст. 23.

(3) Это названіе, придаваемое корану современными мусульманами, основывается также на текстѣ корана, гдѣ упоминается о свиткахъ корана на небѣ (гл. 80, ст. 13) и на землѣ (гл. 98, ст. 2).

(4) См. Приложенія къ переводу корана г. Саблукова. Вып. 1, Казань, 1879, ст. 119—120.

тетовъ, придаваемыхъ корану, можно составить о немъ слѣдующее понятіе: „Коранъ есть откровенное слово Божіе Мухаммеду, ниспосланное ему для наученія людей истинному богопочтенію и для руководства ихъ въ жизни и служащее для послѣдователей Мухаммеда закономъ вѣры, дѣятельности и жизни“.

Такимъ образомъ задача корана представляется широкою и даже всеобъемлющею. Выдавая ученіе свое за самое лучшее изъ всѣхъ прежде бывшихъ религіозныхъ ученій, Мухаммедъ говорилъ, что Богъ ничего не опустилъ въ коранѣ, что нѣтъ зерна во мракѣ земли, нѣтъ былинки ни свѣжей, ни сухой, которыя-бы не были обозначены въ этой книгѣ ⁽¹⁾, что въ ней заключается истолкованіе всѣмъ вещамъ ⁽²⁾ и что коранъ, для объясненія всего, ниспосланъ Мухаммеду ⁽³⁾. Соотвѣтственно этому, ученіе корана предлагается съ авторитетомъ непогрѣшимости и съ рѣшительностью, недопускающею возраженій и сомнѣній ⁽⁴⁾. Но такія притязанія корана далеко не оправдываются его ученіемъ: богословіе его не представляетъ ничего самобытнаго и несравненно ниже вет-

⁽¹⁾ Коранъ, гл. 6, ст. 38, 59.

⁽²⁾ Коранъ, гл. 12, ст. 111.

⁽³⁾ Коранъ, гл. 16, ст. 91.

⁽⁴⁾ „Это писаніе — нѣтъ сомнѣнія въ томъ—есть руководство благочестивымъ“, гл. 2, ст. 1.

хозавѣтнаго даже ученія, которому Мухаммедъ болѣе всего слѣдовалъ; нравственное ученіе корана также не оригинально и не возвышается надъ понятіями многихъ, современныхъ Мухаммеду, арабовъ; о научныхъ свѣдѣніяхъ корана не можетъ быть и рѣчи. Авторъ «*Исторіи умственнаго развитія Европы*, В. Дрэперъ, въ названномъ трудѣ своемъ, даетъ такой отзывъ о коранѣ:» Разсматривая происхожденіе этой книги—косвеннымъ образомъ, будто-бы отъ самаго Бога—мы могли-бы справедливо ожидать, что она превзойдетъ всякія человѣческія произведенія и докажетъ свою истинность и превосходство передъ судомъ человѣческой критики. При нашихъ сужденіяхъ объ этой книгѣ, мы всегда должны помнить, что она признаетъ себя не послѣдовательными откровеніями, данными въ промежутки вѣковъ и по разнымъ случаямъ, но полнымъ произведеніемъ, сообщеннымъ одному человѣку. Мы должны поэтому искать въ ней универсальности, полноты, совершенства. Мы могли-бы ожидать, что она представитъ намъ вѣрныя взгляды на природу и положеніе міра, въ которомъ мы живемъ, что будетъ-ли въ ней рѣчь о спиритуальныхъ или матеріальныхъ предметахъ—она пристыдитъ знаменитѣйшія произведенія человѣческаго генія, какъ великолѣпный механизмъ небесъ и прекрасныя живыя формы

земли превосходятъ суетныя ухищренія человека. Далекo превышая все, что было писано мудрецами Индіи и филосогами Персіи о предметахъ, стоящихъ въ связи съ происхожденіемъ, природой и судьбами вселенной, достоинство плана и превосходство выраженій этой книги должны-бы соотвѣтствовать величію обнимаемыхъ ею предметовъ.

„Мы могли-бы ожидать, что эта книга будетъ говорить съ авторитетомъ и окончательно установить всеобъемлющія задачи, которыя въ теченіи уже столькихъ вѣковъ испытывали умственную силу даровитѣйшихъ людей Азіи и Европы и которыя лежатъ въ основаніи всякой вѣры и всякой философіи; что она опредѣлительно и вполне точнымъ языкомъ скажетъ намъ, что такое Богъ, что такое міръ, что такое душа, и имѣетъ-ли человекъ какой нибудь критеріумъ истины; что она объяснитъ намъ, какъ зло можетъ существовать въ мірѣ, Создатель котораго всемогущъ и вполне благъ; что она откроетъ намъ, въ какихъ случаяхъ людскія дѣла опредѣляются судьбой и въ какихъ свободной волей; что она научитъ насъ, откуда мы пришли, какая цѣль нашего существованія здѣсь и что будетъ съ нами послѣ.

„И такъ какъ книга, имѣющая притязаніе на божественное происхожденіе, необхо-

димо должна убѣждать даже тѣхъ, кто наиболѣе противится принимать ее—такъ, чтобы ея внутренняя очевидность становилась сильнѣе, а не слабѣе при строгомъ изслѣдованіи, которому-бы она подвергалась,—то она должна-бы говорить о вещахъ, которыя могли-бы быть доказаны при усиленіи знанія и человѣческаго генія, предупреждая здѣсь его заключенія. Такое произведеніе, какъ-бы ни было благородно его происхожденіе, должно-бы не отклонять, а призывать пробу натуральной философіи, считая ее не врагомъ своимъ, а своей лучшей поддержкой. Съ теченіемъ лѣтъ и по мѣрѣ того, какъ человѣческое знаніе становится болѣе точнымъ и болѣе всеобъемлющимъ, ея заключенія должны-бы совпадать съ этимъ знаніемъ. Когда представляется случай, она должна доставить намъ по крайней мѣрѣ признакъ великихъ истинъ, открываемыхъ астрономіей и геологіей, не представляя вмѣсто нихъ необузданныхъ фантазій древнихъ вѣковъ, выдумокъ человѣческаго дѣтства ... Относительно человѣка, она должна указать его отношенія къ другимъ живущимъ существамъ, его мѣсто между ними, его преимущества и его обязанности. Она не должна оставлять его искать ощупью своей дороги по слѣдамъ греческой философіи и въ концѣ концовъ не попасть на истину; но должна научить его, въ чемъ за-

ключается истинное знаніе, предупреждать физическую науку, физическую силу и физическое благосостояніе нашего собственнаго времени, даже раскрывать для нашего благополучія вещи, которыхъ мы еще не знаемъ теперь. Указаніе этихъ, столь многихъ и столь высокихъ предметовъ, не выходитъ за предѣлы книги, предъявляющей такія притязанія. Ея взглядъ на эти предметы есть единственный критеріумъ, который она можетъ представить относительно своего авторитета для послѣдующихъ временъ.

„Если судить коранъ съ этой точки зрѣнія, онъ совершенно не выдерживаетъ критики. По своей философіи онъ несравненно ниже сочиненій Шакья-Муни, основателя буддизма; по своимъ научнымъ свѣдѣніямъ онъ абсолютно лишенъ всякаго значенія. Относительно спекулятивныхъ и сомнительныхъ вещей онъ довольно изобиленъ; но относительно точныхъ, гдѣ къ нему можетъ быть приложенъ пробный камень, онъ оказывается совершенно несостоятельнымъ. Его астрономія, космогонія, физиологія — такіа дѣтскія, что способны вызвать смѣхъ. Они принадлежатъ къ младенческимъ временамъ человѣческаго знанія. Земля плотно держится на своемъ мѣстѣ тяжестью горъ; небо покрываетъ ее, какъ сводъ, и коранъ поучаетъ насъ о мудрости и могуществѣ Бога

тѣмъ, что предлагаетъ найти въ этомъ сводѣ трещину, если мы только можемъ. Небо раздѣлено на семь этажей, и верхній изъ нихъ есть жилище Бога, престолъ котораго, по словамъ корана, еще не отвергающаго ассирійскихъ представленій, поддерживается крылатыми животными. Падающія звѣзды суть раскаленные до красна камни, бросаемые ангелами въ демоновъ, когда они подходятъ слишкомъ близко. Бога коранъ окружаетъ восхваленіями, изображая Его величіе часто нелишенными достоинства образами. Хотя онъ горько укоряетъ тѣхъ, кто даетъ Богу какихъ-нибудь другихъ равныхъ, и хотя онъ увѣряетъ, что грѣхъ такихъ людей никогда не простится, что въ день суда они должны будутъ отвѣтить на страшный вопросъ: „гдѣ же мои товарищи, о которыхъ вы спорили?“, хотя онъ настаиваетъ на абсолютной зависимости отъ Божія милосердія и обвиняетъ тѣхъ, кто дѣлаетъ изъ религіи предметъ торговли—его понятія о Богѣ совершенно антропоморфическія. Это просто человѣкъ гигантъ, живущій въ раю. Въ этомъ отношеніи читатель извлекаетъ изъ внимательнаго прочтенія 114 главъ корана окончательное впечатлѣніе, что они дали ему недостойныя и ничтожныя мысли, хотя и могли-бы быть приведены исключительныя мѣста; и не удивительно, что нѣкоторые приверженцы мохаммеданскихъ сектъ

читаютъ ихъ такимъ образомъ, что не затрудняются утверждать, будто бы „отъ вѣнца головы до груди Богъ пустой, а отъ груди внизъ—плотный, что у него черные, кудрявые волосы, и что онъ въ каждый часъ ночи издаетъ рычаніе, на подобіе льва“. Единство приписывается Мухаммедомъ Богу въ специальное отличіе отъ христіанской Троицы и отъ ученія о божественномъ рожденіи. Нашъ Спаситель никогда не называется Сыномъ Божиимъ, но всегда сыномъ Маріи... Относительно человѣка Мухаммедъ много говоритъ о будущей жизни, ясно говоритъ о воскресеніи, о судномъ днѣ, о раѣ, о мученіяхъ ада, о червѣ, который никогда не умираетъ, о мукахъ, которыя никогда не оканчиваются; но при всей точности этихъ описаній будущаго, въ коранѣ очень много ошибокъ относительно прошедшаго. Если-бы скромность не мѣшала говорить здѣсь о такихъ вещахъ, можно было-бы показать, какъ онъ слабъ въ своей физиологіи, когда онъ имѣетъ случай намекать на происхожденіе или рожденіе человѣка. Онъ едва-ли ушелъ дальше понятій Фалеса. Тотъ, кто оказывается такимъ несостоятельнымъ руководителемъ относительно прошедшихъ вещей, не можетъ заслуживать особеннаго довѣрія и относительно будущихъ“ (1).

(1) Исторія умственнаго развитія Европы, Джона Вильяма Дрэпера, Переводъ съ англійскаго, подъ

Тѣмъ не менѣе мы должны сказать, что коранъ принадлежитъ къ числу немногихъ произведеній человѣческой мысли, на которыя съ давнихъ поръ и до нашихъ дней обращается очень большое вниманіе ученыхъ людей самаго разнообразнаго направленія и самыхъ разностороннихъ научныхъ воззрѣній. Какъ религіозно - законодательный кодексъ, коранъ оказалъ огромное и неотразимое вліяніе на судьбу человѣчества и притомъ очень большой, сравнительно, его части (1), такъ какъ многочисленныя народы Азіи, Африки и даже Европы обязаны ему складомъ своей религіозной, нравственной и общественно-государственной жизни. Поэтому коранъ въ разное время обращалъ и до сихъ поръ останавливаетъ на себѣ вниманіе историковъ и философовъ. Какъ къ законодательному кодексу арабовъ и вообще мусульманъ, — къ корану обращались и обращаются законовѣды. Какъ памятникъ арабскаго языка и арабской письменности, коранъ до сихъ поръ служитъ предметомъ усерднаго изученія ориенталистовъ — филологовъ и историковъ всемірной литературы. Наконецъ коранъ обращалъ и обращаетъ на се-

редакціей А. Н. Пыпина. Изданіе третье, томъ первый. СПб. 1874, стр. 278—281.

(1) Въ настоящее время мусульманъ считается до 200 милліоновъ.

бя вниманіе ученыхъ богослововъ разныхъ странъ, время и вѣроисповѣданій, какъ главная вѣроучительная книга одной изъ наиболѣе распространенныхъ религій человѣчества, извѣстной подъ именемъ „ислама“.

Въ слѣдствіе такого разносторонняго интереса, представляемаго кораномъ и побуждавшаго серьезно и долго изучать эту сравнительно небольшую книгу очень многихъ людей разнообразнаго направленія, людей большой эрудиціи и талантливости,—въ настоящее время европейская наука обладаетъ обширною литературою по этому предмету, не прекращающею своего роста и въ наши дни. Достоинства ученыхъ изслѣдованій о коранѣ, древнихъ и новыхъ, въ значительной степени зависятъ отъ времени ихъ появленія и такъ сказать, обратно пропорціональны вѣкамъ ихъ авторовъ: чѣмъ ближе къ нашему времени относится появленіе изслѣдованій о коранѣ, тѣмъ болѣе отличаются они эрудиціей, широтою взгляда, глубиною мысли и критики, и на оборотъ. Причина этого понятна: послѣдующіе изслѣдователи корана пользовались трудами своихъ предшественниковъ и кромѣ того историческая и орьентальная наука, съ теченіемъ времени, располагала все большими и большими средствами къ разностороннему и строго-научному изученію этого оригинальнаго произведенія арабскаго реформатора VII вѣка.

Европейская наука до XII вѣка по Рожд. Христ. не располагала даже знаніемъ содержанія корана, и только въ XVI вѣкѣ въ первый разъ увидѣла въ печати арабскій текстъ и переводъ корана. Петръ, аббатъ Ключійскій, желая познакомиться съ религіей Мухаммеда въ ея перво-источникѣ и доказать, по возможности, ея лживость, нашель въ Испаніи людей, знакомыхъ съ арабскимъ языкомъ, а именно: Роберта Ретензія и Петра Далмата и поручилъ имъ перевести арабскій текстъ корана на латинскій языкъ. Въ 1143 году они окончили переводъ корана, который однако долго спустя по изобрѣтеніи книгопечатанія, именно въ 1543 г., былъ изданъ на латинскомъ языкѣ Библиандеромъ. Но переводъ этотъ, какъ первый опытъ, не только не имѣлъ научныхъ достоинствъ, но и не заслуживалъ даже названія перевода, потому что безчисленныя ошибки, пропуски въ однихъ мѣстахъ и прибавленія въ другихъ слишкомъ отдалили переводъ отъ подлинника и лишили первый подобія послѣдняго. Въ концѣ XII столѣтія доминиканецъ Рикольдъ-де-Монте-Круа рѣшилъ было перевести арабскій подлинникъ корана, но съ переводомъ каждаго отдѣльнаго листа у переводчика все болѣе усиливалось отвращеніе къ содержанію подлинника, и благочестивый доминиканецъ вынужденъ былъ прекратить свою работу, не доведя ее до конца. И долго спу-

стя, на западѣ, у католиковъ господствовало не только предубѣжденіе, но и омерзене кѣ корану и опасене оскорбить религіозное чувство христіанъ нечестивымъ ученіемъ этой книги. Сказать болѣе: въ римско-католической церкви существовало даже опасене за христіанскую вѣру отъ обнаруженія перевода корана, и когда въ школахъ было введено изучене арабскаго языка, на которомъ написанъ подлинникъ, изданіе этой книги было строго запрещено, наравнѣ съ другими еретическими книгами. Въ концѣ XV-го столѣтія Іоганнъ Андреасъ, христіанскій священникъ, обращенный изъ мусульманъ, перевелъ коранъ съ арабскаго на аррагонскій языкъ, по повелѣнію епископа Барселонскаго Мартина, инквизитора аррагонскаго; но исторія не сохранила объ этомъ переводѣ точныхъ свѣдѣній. Въ началѣ XVI столѣтія изданіе корана подверглось такой-же участи. Нѣкто Paganus de Brescia ⁽¹⁾ издалъ въ Венеціи полный арабскій текстъ корана, но папа осудилъ это изданіе на сожженіе. Исполнители папскаго приказанія такъ усердно и аккуратно занялись этимъ, что отъ изданія не только не осталось ни одного экземпляра, но и годъ его неизвѣстенъ; сохранилось только краткое заглавіе этого изданія: „Alcoranus arabice“. Любовь кѣ на-

(1) Изъ Бресціи въ Испаніи.

укѣ побѣдила однако чувство страха католиковъ: въ 1547 году, въ той же Венеціи былъ изданъ переводъ корана на италіанскомъ языкѣ, послѣ котораго въ 1616 и 1623 г.г. былъ изданъ нѣмецкій переводъ, а съ этого былъ сдѣланъ въ 1641 г. переводъ на голландскій языкъ. Въ 1647 г. въ Парижѣ былъ изданъ французскій переводъ корана Дю-Ріеромъ (Du-Royer), а въ 1649 г. появился англійскій переводъ въ Лондонѣ. Въ концѣ XVII столѣтія переводъ корана былъ изданъ на англійскомъ языкѣ, именно въ 1688 г.; но въ Гамбургѣ А. Гинкельманъ, издавая арабскій текстъ корана въ 1694 г., писалъ: „Negotium nobis est cum libro, quem legere et delegere est refutare“, и аббатъ Людовикъ Марраччи, издавшій въ 1698 г. арабскій текстъ и латинскій переводъ корана съ примѣчаніями къ тексту и опроверженіями ученія корана, между прочимъ замѣтилъ, что „запрещеніе обнародовать коранъ должно имѣть силу только по отношенію къ такимъ изданіямъ его, какія не снабжены приличными опроверженіями его ученія, безъ которыхъ оно можетъ повредить вѣрѣ простодушныхъ. Черезъ 40 лѣтъ послѣ Марраччи, именно въ 1734 г. англійскій переводчикъ корана Жоржъ Саль (G. Sale) высказался на ту же тему уже рѣшительнѣе и смѣлѣе: „кажется, мнѣ не нужно извиняться въ томъ, пишетъ онъ въ предисловіи къ

своему переводу, что я издаю въ свѣтъ переводъ этой книги, или доказывать, что это полезно и любопытно. Тѣ должны имѣть очень низкое представленіе о христіанской вѣрѣ, или худо въ ней наставлены, которые опасаются чего нибудь отъ книги, въ коей виденъ явный обманъ“. „Петръ Великій, со свойственною ему любознательностью и проницательностью, также обратилъ вниманіе на коранъ. По его повелѣнію, князь Кантеміръ перевелъ коранъ на русскій языкъ съ французскаго перевода Дю-Ріера и въ 1716 году переводъ этотъ былъ напечатанъ въ С.-Петербургской типографіи (1). По примѣру Петра Великаго, съ того-же французскаго перевода, при Императрицѣ Екатеринѣ II, изданъ былъ русскій переводъ корана въ 1790 году, сдѣланный Вережкинымъ.

Въ настоящемъ столѣтіи появлялись и продолжаютъ появляться на всѣхъ языкахъ переводы корана, какъ съ подлинника, такъ и съ европейскихъ языковъ. Въ Россіи до послѣдняго времени былъ въ обращеніи переводъ К. Николаева, сдѣланный имъ съ французскаго перевода Казимірскаго, и въ

(1) Полное заглавіе этого изданія, составляющаго библиографическую рѣдкость, слѣдующее: „Алкоранъ о Магометѣ или законъ турецкій, переведенный съ французскаго языка на русскій. Напечатанъ повелѣніемъ царскаго величества. Въ Санктпетербургской типографіи, 1716 году въ мѣсяцъ декабрій.

1876 г. былъ изданъ въ С.-Петербургѣ уже третьимъ изданіемъ. Не говоря уже о томъ, что переводъ Николаева, какъ не самостоятельный, не можетъ имѣть научнаго значенія, онъ страдаетъ большими недостатками и какъ переводъ съ французскаго. Между тѣмъ переводъ г. Саблукова отличается и внѣшними, и внутренними несомнѣнными достоинствами. Не говоря о первыхъ, мы считаемъ необходимымъ указать на послѣднія. Г. Саблукову, вслѣдствіе его многолѣтняго и рѣдкаго по добросовѣстности изученія ислама вообще и корана въ частности, въ переводѣ своемъ удалось удержать духъ и букву арабскаго языка подлинника, что удавалось далеко немногимъ арабистамъ. Въ его переводѣ, кромѣ повсемѣстной ясности и точности, одинаковыя выраженія подлинника переданы одинаковыми русскими выраженіями, а это весьма важно и въ научномъ, и въ практическомъ отношеніяхъ. Но кто знаетъ, что арабскій языкъ не имѣетъ ничего общаго съ русскимъ, тотъ пойметъ, какимъ глубокимъ арабистомъ былъ г. Саблуковъ и какую неоцѣненную услугу оказалъ онъ намъ русскимъ своимъ переводомъ корана. Своимъ переводомъ онъ доказалъ фанатикамъ мусульманамъ, что коранъ можно вполне удобно переводить на другіе человѣческіе языки, и что ученіе ихъ законодательной книги намъ теперь доступно даже болѣе, чѣмъ самимъ

мусульманамъ, не понимающимъ арабскаго языка. А подробный, систематическій указатель къ переводу корана, составленный тѣмъ же г. Саблуковымъ, даетъ намъ полную возможность отыскать въ коранѣ все то, что въ немъ есть и провѣрить каждое предположеніе о томъ, чего въ немъ нѣтъ. Всѣ отличительныя особенности арабскаго подлинника характерно переданы въ переводѣ и притомъ такъ, что русская рѣчь отъ этого не пострадала. Въ переводѣ г. Саблукова читатель чувствуетъ дѣйствительно языкъ восточнаго народа и въ тоже время языкъ священной книги. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переводчику удалось даже удержать рифмованную рѣчь подлинника. Словомъ, какъ ученый трудъ, переводъ корана, сдѣланный г. Саблуковымъ, стоитъ очень высоко, не только сравнительно съ другими иностранными и русскими переводами корана; но и безотносительно, такой трудъ дѣлаетъ полную честь русскому переводчику. Особенно достоинства перевода г. Саблукова очевидно бросаются въ глаза читателю, сравнивающему его съ переводомъ Николаева, очень распространеннымъ въ русской публикѣ. Въ послѣднемъ, кромѣ неясностей и неточностей, встрѣчаются иногда положительныя несообразности. Такъ напр. гл. 67, ст. 22 г. Саблуковъ переводитъ такъ: „Тотъ-ли идетъ прямо, кто хочетъ потупить лице свое, или тотъ на прямомъ пути, кто ходитъ, дер-

жа себя прямо?“ У г. Николаева эти слова переведены: „Человѣкъ ползая, воздѣлывающій землю лбомъ, лучше-ли направленья того, кто идетъ прямо по прямому пути?“ Еще характернѣе слѣдующее сопоставленіе: гл. 19, ст. 27 г. Николаевъ переводитъ: „скажи ему: *я предаю дитя* Милосердому; сегодня я не буду говорить ни съ однимъ человѣкомъ“; г. Саблуковъ переводитъ это мѣсто, совершенно согласно съ текстомъ подлинника, такъ: „говори ему: Милостивому *я дала обѣтъ поститься*; потому мнѣ нельзя говорить ни съ однимъ человѣкомъ“ (1).

Сказаннаго достаточно, чтобы переводу корана, сдѣланному г. Саблуковымъ, отдать полное преимущество предъ переводомъ г. Николаева и рекомендовать первый русскимъ читателямъ, особенно въ виду понятной притязательности мусульманъ, заявляющихъ, въ оправданіе своей священной книги, что ее невозможно переводить на другіе языки, что ее необходимо читать и понимать въ подлинникѣ, языкъ котораго неподражаемъ. Но намъ, русскимъ жителямъ Туркестана, преслѣдуемымъ при управленіи мусульманскою страной не религіозныя, а государственныя цѣли, можно съ спокойною совѣстію довѣ-

(1) Болѣе подробно смотри: „О переводѣ корана Гордія Саблукова“ Правосл. Собесѣд. 1878 г. статья Я. Б.

рится переводу г. Саблукова, имѣвшаго въ виду строгія научныя требованія отъ перевода арабскаго текста на языкъ русскаго народа.

Нужно-ли послѣ этого говорить о томъ, что коранъ имѣетъ право на вниманіе къ нему со стороны русскихъ образованныхъ людей? Г. Саль писалъ въ свое время: „если предписанія, касающіяся вѣры и государственнаго устройства какого-нибудь иноземнаго народа достойны нашего изученія, то предписанія Мухаммеда, законодателя арабовъ и основателя государства (которое менѣе чѣмъ въ сто лѣтъ, распространилось по большей части свѣта, нежели римская имперія, во время цвѣтущаго своего состоянія) не недостойны нашего вниманія, какъ потому, что эти учрежденія слишкомъ широко распространили свое господство, такъ и потому, что мы (англичане) часто имѣемъ отношенія къ тѣмъ, которые управляются законами Мухаммеда“. Приведенныя слова англійскаго арабиста для насъ, русскихъ должны имѣть особенное значеніе. Если г. Саль, не смотря на существованіе въ его время опасеній за христіанскую вѣру, еще въ прошломъ столѣтіи счелъ нужнымъ и полезнымъ перевести коранъ на языкъ своего народа, имѣвшаго непосредственныя сношенія съ мусульманами, и считалъ знакомство съ кораномъ достойнымъ вниманія англійскаго на-

рода; то тѣмъ болѣе знакомство съ этою книгою необходимо и полезно намъ, русскимъ, поставленнымъ въ столь близкія отношенія не только къ живущимъ внутри Россіи мусульманамъ, но и къ мусульманамъ Средней Азіи, этой, можно сказать, второй колыбели ислама. Знакомство съ кораномъ и знакомство серьезное, основательное для насъ русскихъ положительно необходимо не только по научнымъ побужденіямъ, но и по практическимъ соображеніямъ. Баронъ Торнау, извѣстный знатокъ мусульманскаго права, въ изданной имъ въ 1880 году брошурѣ: „Особенности мусульманскаго права“ рѣшительно заявляетъ, что обсужденіе мусульманскаго гражданскаго права невозможно на основаніи понятій и принциповъ европейскихъ законодательствъ и что для точнаго ознакомленія съ мусульманскимъ гражданскимъ правомъ необходимо имѣть хотя-бы краткія, но во всякомъ случаѣ точныя, положительныя свѣдѣнія о религіозныхъ постановленіяхъ ислама. Обсужденіе этого права по юридическимъ европейскимъ понятіямъ, а еще болѣе подведеніе постановленій онаго подъ систему и рубрики западныхъ законодательствъ, равно какъ изложеніе въ сочиненіяхъ о мусульманскомъ правѣ объ общественномъ и частномъ гражданскомъ бытѣ мусульманъ, безъ одновременнаго указанія на постановленія о вѣрѣ и въ особенности о религіоз-

ной обрядовой части, вводятъ въ заблужденіе на счетъ дѣйствительнаго назначенія многихъ гражданскихъ постановленій ислама и даютъ неточное понятіе о томъ, что Мухаммедъ, какъ гражданскій законодатель, предполагалъ достигнуть чрезъ установленіе новыхъ гражданскихъ законовъ. Сколь-бы *ratio legis* ни была несовершенна въ гражданскихъ постановленіяхъ мусульманъ, она однако существуетъ и выражается однимъ словомъ: „въ подчиненіи оныхъ законамъ о *сиръ*“. Кромѣ того, всякое частное лицо, продолжаетъ тотъ-же авторъ, вступая въ сношенія какого-бы то ни было рода съ подданными другаго государства, не можетъ, для огражденія собственныхъ интересовъ, не ознакомиться съ тѣми, въ чужой странѣ дѣйствующими, законами, которые въ оной регулируютъ гражданскія отношенія частныхъ лицъ между собою. Если-же такое знакомство съ законами необходимо въ разныхъ европейскихъ государствахъ, въ которыхъ гражданскіе законы основаны, болѣе или менѣе, на однихъ и тѣхъ же началахъ, гдѣ отчасти дѣйствуютъ интернаціональныя законоположенія въ пользу частныхъ лицъ, то тѣмъ болѣе необходимо знаніе гражданскихъ законовъ мусульманскихъ странъ, въ которыхъ законодательство основано на началахъ, въ иныхъ случаяхъ даже противоположныхъ европейскимъ понятіямъ“.... А

мусульманскіе гражданскіе законы, прибавимъ мы, основаны на текстѣ корана, какъ первоисточникѣ всего мусульманскаго теократическаго права.

„Нравственное достоинство каждаго частнаго лица повсюду оцѣнивается, говоритъ баронъ Торнау, степенью подчиненія его тѣмъ частнымъ постановленіямъ въ государствѣ, на которыхъ основывается благоустроенный общественный частный бытъ, что ни въ какомъ законодательствѣ не проявляется столь осязательно, какъ въ мусульманскомъ. Мусульманинъ, не исполняющій въ полной точности хотя-бы внѣшнихъ обрядовъ религіи, считается неблагочестивымъ и неблагонадежнымъ лицомъ; онъ чрезъ это лишается въ средѣ своихъ единовѣрцевъ довѣрія, не допускается на примѣръ къ свидѣтельству, къ опекунству, и т. д.“. Изъ приведенныхъ авторомъ двухъ историческихъ фактовъ, въ подтвержденіе своей мысли, укажемъ на возстаніе сипаевъ въ Индіи, вслѣдствіе принужденія ихъ употреблять ружейные патроны, смазанные свинымъ саломъ и на бѣгство крымскихъ татаръ, вслѣдствіе возложенія на духовныхъ лицъ отчисленія наслѣдственной части отступнику отъ ислама (1).

(1) „Особенности мусульманскаго права“, стр. 9, 10, 12, 14 и 15.

По нашему мнѣнію, первый фактъ (возстаніе сипаевъ) чрезвычайно характеренъ, какъ для мусульманъ, помирившихся не только съ иновѣрнымъ правительствомъ, но и съ необходимостью стать въ ряды солдатъ, подъ команду иноземныхъ и иновѣрныхъ офицеровъ, но не рѣшившихся прикасаться къ животному веществу, признаваемому ими нечистымъ, такъ и для христіанскихъ завоевателей Индіи, съумѣвшихъ подчинить своей власти фанатическое племя и не обратившихъ вниманія на то, что свинья считается у мусульманъ нечистымъ животнымъ. Такой ничтожной на взглядъ европейцевъ ошибки, подавшей поводъ къ столь серьезному возмущенію, не было-бы, если-бы англійскіе офицеры были основательно знакомы съ духомъ и буквою корана, въ которомъ запрещеніе относительно свинины два раза опредѣленно подтверждено ⁽¹⁾ и если-бы осмотрительнѣе обращались съ мусульманами. Казалось-бы, что и мы, русскіе, управляя столь долго многочисленными мусульманами и имѣя потому самыя близкія и разнообразныя отношенія къ нимъ, — близко знакомы съ духомъ основнаго законодательнаго кодекса мусульманъ; но этого, къ сожалѣнію, нельзя сказать по отношенію къ огромнѣйшему большинству русскихъ, такъ какъ только ни

(1) Коранъ, гл. 6, ст. 146; гл. 16, ст. 116.

чтожнѣйшее меньшинство, немногія личности знакомы у насъ съ ученіемъ корана и то почти всегда—изъ любви къ наукѣ, и весьма рѣдко—въ интересахъ жизни.... При этомъ мы позволяемъ себѣ указать здѣсь на другую несообразность, замѣчаемую въ отношеніяхъ русскихъ къ ученію корана. Не будучи знакомы основательно съ буквою и духомъ ученія корана, одни приписываютъ ему много дурнаго, чего въ немъ нѣтъ, а другіе, по той-же причинѣ, желаютъ видѣть въ коранѣ образецъ всякаго совершенства. Въ обоихъ случаяхъ для насъ, какъ правителей мусульманъ, это невѣжество положительно невыгодно: не зная основательно ученія корана и не умѣя самостоятельно, критически отнестись къ нему, мы часто наносимъ явный и серьезный ущербъ своимъ государственнымъ интересамъ и въ то же время теряемъ въ глазахъ мусульманъ свой престижъ. Намъ, русскимъ не слѣдуетъ забывать, что мусульмане признаютъ лишь одно законодательство, основанное на *коранѣ*, какъ на главномъ источникѣ и на *хадисахъ*, т. е. преданіяхъ отъ ихъ пророка и на постановленіяхъ первыхъ халифовъ и основателей религіозныхъ расколовъ, какъ на дополнительныхъ, разъясняющихъ коранъ источникахъ (1). Тѣмъ болѣе намъ не слѣ-

(1) Особенности мусульманскаго права, стр. 7. Ср.

дуетъ забывать, что „въ мусульманскихъ государствахъ, рассчитывать на преданность мусульманскихъ подданныхъ возможно при одномъ лишь условіи: чтобы требованія правительства, его агентовъ и его органовъ, не затрогивали ихъ религіозныхъ понятій и не противурѣчили-бы постановленіямъ шаріата. Повелѣнія корана, въ видѣ божественныхъ откровеній, о святости войны противъ невѣрныхъ, о возведеніи джехада въ догматъ вѣры, обязательный для каждаго мусульманина и о неустановленіи дружескихъ отношеній съ невѣрными, видимо—не допускаютъ сближенія мусульманъ съ иновѣрцами, сколь-бы подобное сближеніе ни обѣщало самимъ мусульманамъ матеріальной и нравственной пользы. Исламъ обрекъ законодательство по гражданскому быту мусульманъ, неподвижности, застою. Въ виду противоположнаго положенія, существующаго въ западныхъ государствахъ, гдѣ постоянное усовершенствованіе гражданскаго законодательства составляетъ существенное стремленіе всѣхъ правительствъ, достиженіе добровольнаго и непритворнаго подчиненія мусульманскихъ подданныхъ симъ усовершенствованіямъ, является трудною государственною задачею. Подчиненіе это, конечно, можетъ

Введеніе въ Мюхтесеруль-вигкаять, соч. мирзы А. Казембека.

быть достигнуто силою власти; но въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ терять изъ виду историческихъ фактовъ, между прочимъ въ Индіи и въ Алжиріи,—указывающихъ, что сохраненіе и продолженіе такого подчиненія, требуетъ той-же поддержки силы, какъ и введеніе усовершенствованій“ (1).

Есть, правда, средство къ сближенію нашихъ подданныхъ-мусульманъ съ нами: это научное образованіе, которое способно сгладить грубость нравовъ, расширить взглядъ на взаимныя отношенія людей, но бессильно, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, заглушить въ людяхъ національное чувство. Национальное самосознаніе отъ образованія даже еще болѣе проясняется и получаетъ большую устойчивость, а потому государственная задача русскихъ по отношенію къ мусульманамъ должна состоять въ томъ, чтобы одновременно съ заботами объ образованіи ихъ не оставлять безъ вниманія самихъ себя. Мы должны стоять выше мусульманъ во всѣхъ отношеніяхъ, имѣть надъ ними полное преимущество не физическое только, но больше всего нравственное. И притомъ опять мы должны близко знать характеръ мусульманъ (а характеръ народа познается болѣе всего изъ религіи), чтобы въ каждомъ данномъ

(1) Особенности мусульманскаго права, стр. 21—22.

случаѣ мы могли самостоятельно относиться къ заявленіямъ ихъ.

Говоря это, мы имѣемъ въ виду два заявленія мусульманъ, прошедшія въ нашей литературѣ совершенно безслѣдно. Мусульманинъ Девлетъ-Кильдѣевъ издалъ въ Петербургѣ, въ 1881 году, брошюру, подъ заглавіемъ: „Магометъ какъ пророкъ“. На 35 страничкахъ этой брошюры авторъ желаетъ „познакомить русскую публику съ религіей Магомета, о которой она имѣетъ весьма смутное понятіе“. Очевидно рассчитывая на смутныя представленія русскаго общества объ исламѣ, авторъ настойчиво толкуетъ о заслугахъ ислама въ исторіи человѣчества, выставляетъ Магомета пророкомъ Всемогущаго Бога, представляетъ его человѣкомъ съ возвышеннымъ, нравственнымъ характеромъ, а его ученіе, изложенное въ коранѣ, свободнымъ отъ недостатковъ и именно отъ тѣхъ, какіе исторія утвердила за кораномъ. Въ самомъ началѣ своей брошюры авторъ увѣряетъ, что коранъ *никакой вражды къ христіанамъ не предписываетъ* и что вслѣдствіе долговременнаго отсутствія научнаго европейскаго труда о Магометѣ и его религіи, въ европейскомъ обществѣ распространились самыя ошибочныя и легендарныя понятія о мусульманской религіи и ея основателѣ. Вмѣсто этого, авторъ, сославшійся на пять лучшихъ современныхъ изслѣдованій европей-

скихъ ученыхъ (которыхъ имена онъ не могъ назвать правильно), представилъ читателю съ большими натяжками только хорошія стороны характера Мухаммеда и его ученія и тщательно умолчалъ о всемъ, что именно составляетъ положительное зло въ исламѣ, какъ это доказала исторія. Не указывая на умысленныя упущенія автора, потому что ихъ слишкомъ много, приведемъ здѣсь его заключеніе, „что если мусульмане будутъ придерживаться болѣе смысла ученія своего пророка, изложеннаго въ коранѣ, чѣмъ буквѣ этого самаго корана, отнесутся менѣе фанатично къ своимъ преданіямъ, въ такомъ случаѣ можно съ достовѣрностію предсказать мусульманамъ блестящую будущность, какъ народу, богато одаренному природою въ матеріальномъ и умственномъ отношеніи“.... Прибавлять къ такому оптимистическому увлеченію русскаго мусульманина ничего не нужно: sapienti sat.....

Другой мусульманинъ, Измаиль-Бей Гаспринскій, въ брошурѣ своей: „Русское мусульманство. Мысли замѣтки и наблюденія мусульманина“ (1), на стран. 22-й, пишетъ: „Для *всѣхъ* случаевъ жизни, для *всѣхъ* вопросовъ ума и сердца мусульманинъ не нуждается въ помощи опыта, критики и науки;

(1) Извлеч. изъ №№ 43, 44, 45, 46 и 47 „Тавриды“ 1881 г. съ дополненіями. Симферополь. 1881 г. 1—45.

все это замѣняетъ вѣчный коранъ съ вѣчно неизмѣнными отвѣтами и указаніями на всѣ вопросы жизни и смерти“. И при такомъ фанатичномъ взглядѣ на коранъ, авторъ мусульманинъ все таки увѣряетъ, что исламизмъ *вовсе не мѣшаетъ*“ близкому, дѣятельному и сочувственному приобщенію мусульманъ къ общей русской, отечественной жизни“... На стр. 25—27 авторъ, въ похвалу мусульманъ, пишетъ: „хотя мусульмане и лишены высокой европейской культуры, какъ силы для самосохраненія, но они въ своей религіи и проистекающемъ изъ нея своемъ общественномъ бытѣ имѣютъ весьма крѣпкую, почти непреоборимую силу сопротивленія всякимъ чуждымъ вліяніямъ, во вредъ своей національной индивидуальности. Обыкновенно интересъ, выгода—стимуль дѣйствій челоуѣка; но и они безсильны нерѣдко передъ убѣжденіемъ мусульманина. Напримеръ, по всей Россіи вы не найдете мусульманина, торгующаго въ кабакѣ ⁽¹⁾ или содержащаго домъ терпимости ⁽²⁾. Обратите вниманіе и изучите всѣ функціи любой мусульманской общины въ наименьшей ея единицѣ, представляемой приходской общиной.

(1) Въ Казани, Касимовѣ, Петербургѣ и др. большихъ городахъ мусульмане-татары охотно служатъ буфетчиками въ трактирахъ, ресторанахъ и пр.

(2) За то довольно лицъ послѣдняго рода въ городахъ Средней Азіи, да и въ Россіи есть....

Всякая такая община представляет собою миниатюрное государство, съ прочной связью частей съ цѣлымъ, и имѣеть свои законы, обычаи, общественные порядки, учрежденія и традиціи, поддерживаемые въ постоянной силѣ и свѣжести духомъ исламизма. Община эта имѣеть свои власти въ лицѣ старшинъ и всего прихода, не нуждающіяся въ высшемъ признаніи, ибо авторитетъ этой власти—коранъ. Община эта имѣеть совершенно независимое духовенство, не нуждающееся ни въ какихъ санкціяхъ и посвященіяхъ. Всякій подготовленный мусульманинъ можетъ быть ходжей (учителемъ), муэзиномъ, имамомъ, ахуномъ, и т. д. при согласіи общины. Мусульманство, не имѣя и не признавая сословій, не имѣеть и кастоваго духовенства. Сословіе духовныхъ, установленное русскими законами въ нѣкоторыхъ земляхъ мусульманъ, существуетъ лишь про форма, не мѣшая при нуждѣ отправлять духовныя требы и членамъ другихъ сословій, конечно, подготовленнымъ къ тому. Каждая мусульманская община имѣеть свою школу и мечеть, содержимыя или общиной, или на завѣщанные на то капиталы и имущества (вакуфы). Мусульманское мектебе (¹) близко соприкасается съ общиной и служить дополненіемъ школы семейной, гдѣ чуть не съ

(¹) Школа грамотности.

пеленокъ дитя подвергается неотразимому вліянію отца и матери въ дѣлѣ воспитанія въ духѣ ислама, такъ что ребенокъ 7—8 лѣтъ уже имѣетъ столь сильную мусульманско-племенную закваску, что удивить всякаго новичка-наблюдателя и заставить придуматься рьянаго руссификатора. Нѣсколько такихъ общинъ имѣютъ одну соборную мечеть; нѣсколько десятковъ ихъ — одно медресе, высшую школу, гдѣ концентрируются и имѣютъ источникъ всѣ познанія мусульманъ, откуда выходятъ ихъ богословы, законовѣды, муллы, ахуны, учителя и вообще ученые ⁽¹⁾. Всѣ эти учрежденія и установленные общественные порядки неуклонно и неустанно работаютъ изъ года въ годъ, поддерживаемые нравственно кораномъ и матеріально общиной и ея богатыми членами, въ ожиданіи наградъ будущей жизни.

„Такая мусульманская община въ 10—12 семействъ, куда-бы ни была заброшена судьбою, сейчасъ группируется вокругъ мечети или школы, совмѣщаемыхъ нерѣдко въ одномъ и томъ-же помѣщеніи и немедленно, для питанія себя высшими познаніями, примыкаетъ къ сферѣ дѣйствій какого либо ближайшаго медресе, куда посылаютъ дѣ-

⁽¹⁾ Это послѣднее названіе менѣе всего приличествуетъ мусульманамъ, какъ каждый согласится, кто близко знаетъ мусульманъ.

тей, предназначенныхъ къ высшему мусульманскому обученію.

„Такія небольшія мусульманскія общины, разбросанныя отдѣльными поселками, наблюдаются во многихъ внутреннихъ губерніяхъ Россіи и, не смотря на вѣковое сожителство въ массѣ русскаго люда, не утратили никакой татарско - мусульманской черты; распространеніе между ними даже русской рѣчи сравнительно весьма незначительно, и то между мужскимъ поломъ. Что касается мусульманокъ, онѣ вовсе не говорятъ по русски, за весьма рѣдкими исключеніями“. По этому г. Гаспринскій думаетъ, что рано или поздно русское мусульманство, воспитанное Россіей, станетъ во главѣ умственного развитія и цивилизаціи остальнаго мусульманства. Цивилизація, родившись на крайнемъ востокѣ и постепенно до сихъ поръ подвигаясь на западъ, нынѣ кажется, начала обратное движеніе на востокъ и на пути ея русскіе и русскіе мусульмане, ему кажется, предназначены быть лучшими ея проводниками....

„Если цивилизацію востока водворили на западѣ римляне и арабы, то можетъ быть Провидѣніе предназначало русскихъ и татаръ къ водворенію западной на востокѣ.... Мусульманинъ, по простотѣ и патріархальности своего быта, по чистотѣ внушаемыхъ ему съ дѣтства религіозно - нравственныхъ

принциповъ, чуждый хитрости и лицемѣрія (1), которыми онъ гнушается, — человекъ честный. Наша религія учитъ, что добро можно творить (2) трояко: трудомъ, словомъ и подаваніемъ; и то, и другое, и третье одинаково угодны Богу и благородны; бѣдныи помогаетъ ближнему работой, ученый — поученіемъ, богатый — подаваніями. И такъ, если вы выучились, приобрѣли знанія и добрыя правила, не храните ихъ лишь при себѣ, постарайтесь передавать ваши знанія ближнимъ, соплеменникамъ; переводите на татарскій языкъ хорошія русскія книги, пишите для бѣдныхъ, темныхъ татаръ, старайтесь открывать и улучшать школы, распространить искусства и ремесла. Въ этомъ свѣтомъ дѣлѣ, надѣюсь, просвѣщенные муфтии таврической и кавказской окажутъ вамъ должную помощь и содѣйствіе своимъ вліяніемъ и знаніемъ. Это, братья, будетъ честно и благородно, и если не теперь, то въ будущемъ народъ благословитъ ваше имя, памятуя священное изреченіе великаго Алія, что *„чернила ученаго, столь-же достойны уваженія, какъ и кровь мученика“* (3).

(1) Можетъ быть въ отношеніи мусульманъ, а русскіе очень хорошо знаютъ, что мусульмане всегда хитры и лицемѣрны, когда имѣютъ дѣло съ иновѣрцами.

(2) Опять нужно добавить: мусульманамъ въ отношеніи мусульманъ-же, а не иновѣрцевъ.

(3) Русское мусульманство, стр. 25—27, 30—31, 38, 44—45.

Мы привели здѣсь нѣкоторыя только мысли и заключенія двухъ мусульманскихъ авторовъ: Девлетъ-Кильдѣва и Гаспринскаго, чтобы познакомить съ ихъ литературными взглядами читателей „Туркестанскихъ Вѣдомостей“. Обѣ эти брошюры, при всѣхъ своихъ очевидныхъ недостаткахъ и внутреннихъ противорѣчiяхъ, заслуживаютъ полного вниманiя къ нимъ представителей русской мысли и власти, потому что онѣ служатъ выразителями современныхъ намъ желанiй и стремленiй нашихъ соотечественниковъ-мусульманъ, которые по своей большой численности, а особенно по своимъ разнымъ религiознымъ и племеннымъ отличiямъ отъ кореннаго населенiя, должны озабочивать собою русское правительство, обязанное такъ или иначе удовлетворить этимъ желанiямъ и стремленiямъ. И помимо этого, обѣ названныя брошюры очень интересны съ чисто-литературной точки зрѣнiя, какъ первые опыты литературныхъ трудовъ нашихъ мусульманъ, въ которыхъ они съ запальчивостiю, свойственною имъ, стараются доказать русскому читающему миру, что исламъ, коранъ и Магометъ до сихъ поръ трактовались односторонне, неправильно, и сами-же поражаютъ себя, потому что употребляютъ приемы совсѣмъ ненаучные. Съ другой стороны, литературныя заявленiя Девлетъ-Кильдѣва и Гаспринскаго должны быть интерес-

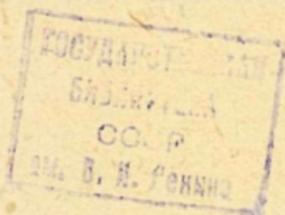
ны для насъ, русскихъ, въ томъ смыслѣ, что они находятся въ связи съ проявившимся въ послѣднее время среди турецкихъ и индіискихъ мусульманъ религіознымъ движеніемъ, въ пользу преобразованія ислама въ духъ требованій современной жизни.

Въ настоящее время Шейхъ-Абуль-Гудъ, уроженецъ города Алеппо, человѣкъ, важный по рожденію, по личнымъ качествамъ и по занимаемой должности, — издаетъ сочиненіе на арабскомъ языкѣ, въ которомъ, по словамъ константинопольскаго корреспондента газеты «Temps», старается доказать, что „ученіе ислама не противопоставляетъ никакой преграды прогрессу, и старается сблизить оба эти элемента. Онъ говоритъ прежде всего въ своемъ предисловіи, что невѣдѣніе, въ какомъ находятся (кто? что?) относительно духа и правилъ ислама, позволило распространиться и укрѣпиться явному заблужденію, будто-бы эта религія несовмѣстима съ прогрессомъ и цивилизаціею. Тѣмъ которые утверждаютъ, что мнимый фанатизмъ корана убиваетъ человѣческую дѣятельность, онъ противопоставляетъ слово Аллаха: „Человѣкъ владѣетъ только тѣмъ, что пріобрѣтаетъ своимъ трудомъ“ и трислѣдующія изрѣченія пророка: „Богъ смотритъ съ отвращеніемъ на того изъ своихъ слугъ, кто ни на что не годенъ“. — „Богъ любитъ видѣть, что его рабъ зарабатываетъ

въ потѣ лица своего то, что законно“. — „Честный торговец имѣетъ свое опредѣленное мѣсто рядомъ съ пророкомъ и мучениками вѣры“. Тѣмъ, которые утверждаютъ, что деспотизмъ естественно вытекаетъ изъ ученія ислама, и что слѣдовательно, конституціонное правленіе, необходимое орудіе прогресса, неприменимо тамъ, гдѣ царствуетъ исламъ, онъ отвѣчаетъ, что напротивъ того, демократическое равенство составляетъ сущность ученія: „Бойтесь Бога въ сношеніяхъ съ вашими слугами, потому что они ваши братья; совѣщайтесь съ ними въ управленіи власти, говоритъ Всевышній“. Такимъ образомъ у шейха Абуль-Гуда готово возраженіе на все ⁽¹⁾. Во всякомъ случаѣ, можно только сочувствовать его попыткѣ сблизить исламъ съ европейскою цивилизаціею. И мы, какъ и онъ, думаемъ, что изъ корана можно извлечь нѣчто иное, чѣмъ то, что изъ него обыкновенно извлекаютъ и что священное писаніе на востокѣ было истолковано людьми, болѣе заботившимися о своихъ личныхъ интересахъ, нежели объ истинѣ. Коранъ, понятый какъ слѣдуетъ, заключаетъ въ себѣ всѣ элементы возвышеннаго философскаго ученія ⁽²⁾. Развѣ въ этой

(1) Этому можетъ повѣрить только человекъ, совершенно незнакомый съ кораномъ.

(2) Этому о коранѣ можно сказать всего менѣе.

книгѣ не находится слѣдующаго правила, которое является постояннымъ выраженіемъ духа терпимости: „Конечно и правовѣрные, и евреи, и христіане, и всѣ тѣ, кто вѣритъ въ Бога и ведутъ себя честно, будутъ награждены въ день суда. Имъ нечего бояться и они не будутъ обижены“ (Коранъ, глава 2, стихъ 59) ⁽¹⁾. Фатализмъ мусульманъ не есть фатализмъ древней трагедіи; онъ гораздо болѣе подходитъ къ предопредѣленію новѣйшихъ религій. Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что милосердіе, прощеніе обидъ, вѣрность данному слову, терпѣніе, словомъ практическія добродѣтели, которыя желали представить исключительною принадлежностью христіанства, рекомендуются пророкомъ Магометомъ ⁽²⁾. Слѣдуетъ прибавить къ этому только два слова, именно: „по отношенію къ мусульманамъ“,—и тогда будетъ вѣрно.

По поводу этого сочиненія, нѣкто Мурза-Алимъ помѣстилъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ восемь статей, подъ заглавіемъ „Исламъ и магометанство“, въ которыхъ онъ, рассчитывая на свою научную компетентность и на незнакомство русскихъ читателей

⁽¹⁾ Напрасно авторъ умалчиваетъ о другихъ мѣстахъ корана, совершенно противоположныхъ приведенному.

⁽²⁾ См. С.-Петербург. Вѣдомости 1882 г. № 166, стр. 2, столб. 4, „Турція“.

газеты съ исторіей и вліяніемъ ислама, стараются, съ авторитетомъ знатока дѣла, убѣдить русскую читающую публику, что существующее на востокѣ религиозное движеніе имѣетъ задачей преобразование старыхъ понятій магометанъ и согласованіе ихъ съ данными современной науки и болѣе вѣрнымъ (sic!) пониманіемъ смысла корана. „Это движеніе, по словамъ Мурзы-Алима, оставитъ далеко за собою тотъ рутинный и невѣжественный взглядъ на ученіе арабскаго пророка Магомета, которому до сихъ поръ придерживалась большая часть магометанъ-богослововъ, окончившихъ свой курсъ философіи (?) въ разныхъ высшихъ училищахъ (медресе) Бухары и Турціи. Односторонній ихъ взглядъ на исламъ и ученіе Магомета составляетъ существенную причину того, что многіе европейскіе ученые приписывали до сихъ поръ упадокъ умственной жизни мусульманскихъ народовъ и кажущагося (?) ихъ разложенія—всецѣло религіи Магомета. Первое мѣсто въ движеніи мусульманской мысли, на пути научнаго и философскаго (?) прогресса, принадлежитъ безспорно мусульманамъ Индіи, во главѣ которыхъ особенно обращаетъ на себя вниманіе Саидъ-Ахмедъ-ханъ-Багадуръ, который въ послѣднія двадцать лѣтъ устроилъ, большею частію на свой счетъ, въ разныхъ мѣстностяхъ, „англо-восточныя“ учебныя заведенія, въ кото-

рыхъ ученикамъ различныхъ вѣроисповѣданій преподаются на англійскомъ и мѣстномъ языкѣ библія, коранъ и всѣ науки въ ихъ современномъ развитіи. Въ городахъ Бомбеѣ, Калькуттѣ, Бенарессѣ, Лакнакѣ, Дельхи, Лагорѣ и другихъ быстро возникаютъ подобныя заведенія и различныя научныя мусульманскія общества, имѣющія цѣлью бороться съ невѣжествомъ и фанатизмомъ старо-мусульманскаго воззрѣнія. Калькутское „мусульманское литературное общество“ находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ лондонскимъ обществомъ „East-Indian Association“. Издающійся въ г. Бомбеѣ, на англійскомъ языкѣ, подъ редакцію господина Олкотта и госпожи Блавацкой, ежемѣсячный журналъ философскаго содержанія, „Теософистъ“ (Theosophist) и другія подобныя сочиненія успѣшно распространяются въ средѣ мѣстнаго мусульманскаго населенія, въ которомъ пользуется большимъ почетомъ библія въ прекрасномъ переводѣ на арабскій языкъ, сдѣланный (сдѣланномъ) въ 1865 году лондонскимъ библейскимъ обществомъ. Всѣ эти сочиненія и вновь учреждаемыя ученія и богословскія общества имѣютъ одну цѣль—поднять уровень образованія мусульманскихъ народовъ и искоренить въ нихъ тотъ невѣжественный и обрядовый взглядъ на „исламъ“, который распространился въ средѣ мусульманскаго міра послѣ

нашествія монголовъ, татаръ и туркменовъ, уничтожившихъ плоды просвѣщенной эпохи багдадскаго халифатства и наложившихъ мертвящую свою руку на умственное развитіе побѣжденныхъ ими народовъ.

„Мы стоимъ, продолжаетъ Мурза-Алимъ, наканунѣ великой религіозной реформаціи въ мусульманскомъ мірѣ, которая будетъ имѣть на дальнѣйшее развитіе мусульманъ то самое вліяніе, которое (какое?) имѣла реформація Лютера на старый католическій міръ, и эта реформація неминуемо возродитъ къ новой жизни и дѣятельности временно усыпленное мусульманство (1). Старовѣры и старообрядцы этой религіозной формы монотеизма останутся безъ всякаго вліянія на умственное развитіе будущихъ мусульманскихъ поколѣній и въ неравной борьбѣ за существованіе будутъ ими поглощены; таковъ уже роковой историческій ходъ умственнаго развитія въ человѣчествѣ. Библия, евангеліе и коранъ не будутъ служить, какъ теперь, знаменемъ раздора, но будутъ служить лишь руководствомъ къ нравственному и умственному усовершенствованію людей.

„Въ Россіи, вслѣдствіе разныхъ причинъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить, маго-

(1) Хорошо, что Мурза-Алимъ сознаетъ усыпленное состояніе своихъ многочисленныхъ единовѣрцевъ.

метанское народонаселеніе, за исключеніемъ весьма немногихъ, въ томъ числѣ малой части Кавказа и литовскихъ татаръ, коснѣетъ въ невѣжествѣ, поддерживаемомъ изъ личныхъ, своекорыстныхъ выгодъ магометанскимъ духовенствомъ, которое боится, подобно католическому, всякаго луча научнаго свѣта въ темной области религіозныхъ преданій. Весьма часто приходится слышать отъ татарскихъ муллъ (священниковъ), считающихъ себя учеными богословами, что всѣ человѣческія знанія и науки содержатся на арабскомъ языкѣ въ коранѣ, и что достаточно его знать, чтобы быть вполне образованнымъ человекомъ, а потому бесполезно обращаться за познаніями къ другимъ источникамъ. Татарскіе муллы въ Россіи настолько еще неразвиты или беспечны, что не считаютъ даже нужнымъ знать русскій языкъ и такимъ образомъ незнакомы съ языкомъ той страны, подъ охраною законовъ которой они живутъ, съ милліонами своихъ единовѣрцевъ, вотъ уже болѣе 300 лѣтъ; между тѣмъ пророкъ Магометъ не только поощрялъ ученіе во всѣхъ его видахъ, но самъ восхищался философіею греческихъ мудрецовъ Аристотеля, Платона и др. (1). Изученіе русска-

(1) Не знаемъ, чему удивляться: невѣжеству-ли Мурзы-Алима, или-же его недобросовѣстности въ отношеніи русскихъ читателей, которымъ простибельно не знать, что Магометъ, по собственному его завѣренію

го или другаго европейскаго языка татарскіе муллы считаютъ бесполезнымъ и даже вреднымъ для религіозныхъ созерцаній магометанъ; по ихъ понятіямъ, мусульманинъ только тотъ, который ничего не знаетъ, кромѣ корана, хедиса (преданіе пророка) и магометанской обрядности. Поверхностное изученіе арабскаго языка, долбленіе наизусть нѣкоторыхъ стиховъ изъ корана, переписка его, чтеніе и писаніе на татарскомъ, грамматически и литературно необработанномъ языкѣ, составляютъ до сихъ поръ всю незатѣйливую премудрость русскихъ ученыхъ магометанъ. Приволжскіе магометане ни на шагъ не подвинулись впередъ въ культурномъ развитіи съ тѣхъ поръ, какъ они вошли въ составъ Русскаго государства ⁽¹⁾ и все это происходило большею частію изъ ложнаго пониманія истинъ ислама и ученія Магомета.

„Если волна религіозной реформаціи, идущая изъ Индіи, коснется русскаго магоме-

въ коранѣ и по общепринятому у мусульманъ вѣрованію, былъ человекъ неграмотный (*уммій*), что и доказалъ въ своемъ коранѣ, гдѣ никакой мудрости Аристотеля, Платона и другихъ греческихъ мудрецовъ встрѣтить нельзя.

(1) Мы думаемъ, напротивъ, что русскіе татары далеко подвинулись впередъ за это время. Да иначе и быть не можетъ, если народъ живетъ. Напрасно Мурза-Алимъ считаетъ своихъ единовѣрцевъ умершими.

танства, то неминуемо произойдетъ въ средѣ его религіозный расколъ. Молодое и болѣе интеллигентное поколѣніе послѣдуетъ современному возрожденію мусульманства, ведущему своихъ послѣдователей къ общечеловѣческой цивилизаціи, какъ-бы ее ни называли—греческой, латинской, еврейской, христіанской или мусульманской; названіе тутъ не имѣетъ значенія. Старое-же поколѣніе, съ отжившими понятіями, составляетъ (составитъ) въ средѣ русскихъ магометанъ мусульманское старообрядчество, съ одностороннимъ и фанатичнымъ взглядомъ ⁽¹⁾“.

Изъ приведенныхъ разсужденій г.г. Гаспринскаго и Мурзы-Алима читатель можетъ усмотрѣть, что образованные представители современныхъ намъ мусульманъ открыто сознаютъ свою отсталость отъ современнаго образованнаго міра и заявляютъ о своемъ желаніи подняться до уровня европейской культуры, причемъ старательно доказываютъ, что осуществленію этого желанія не можетъ препятствовать ученіе корана и ислама, которое будто-бы „не боится свѣта никакой науки и не боится прогресса ума“. Особенно же достойно при этомъ замѣчанія то невозможное условіе, при которомъ упомянутые образованные мусульмане надѣются внести

(1) См. С.-Петербург. Вѣдомости, 1882 г. № 180 стр. 1, столб. 4, ст. „Исламъ и магометанство“.

въ мусульманскій міръ свѣтъ современной науки: г.г. Гаспринскій и Мурза-Алимъ желаютъ сдѣлать своихъ одновѣрцевъ европейски образованными людьми и въ то же время оставить ихъ искренними и вѣрными послѣдователями своего пророка, а коранъ—религіозно-законодательною книгою, не допуская въ ней никакихъ измѣненій, добавленій и отмѣненій. Съ этою цѣлю они доказываютъ, что ученіе корана—одно и то же съ ученіемъ библіи и евангелія, дѣлаютъ большія уступки въ пользу особенно евангелія, тщательно умалчиваютъ о всѣхъ недостаткахъ ученія корана, сравнительно съ ученіемъ евангелія и наконецъ заявляютъ, что иной взглядъ на коранъ и исламъ обязанъ—де своимъ происхожденіемъ недостаточно научной оцѣнкѣ магометанства, какъ историческаго факта. Вотъ эту-то истинно-научную оцѣнку ученія корана и вполнѣ безпристрастный взглядъ на прошлое и будущее ислама и стремятся нынѣ установить г.г. Девлетъ-Кильдѣевъ, Гаспринскій и Мурза-Алимъ. Но мы, не смотря на такое почтенное желаніе этихъ публицистовъ, позволяемъ себѣ завѣрить ихъ, что попытка ихъ далеко не научна. Наука не терпитъ никакихъ сдѣлокъ, никакихъ уступокъ, и новаторамъ ислама лучше-бы было прямо сознаться, что въ ученіи корана и всего вообще ислама гораздо болѣе регрессивныхъ началъ, чѣмъ

прогрессивныхъ. Было-бы лучше, если-бы они, въ интересахъ современной жизни и общечеловѣческаго прогресса, признали неизбѣжнымъ отказаться отъ многаго, что есть въ коранѣ и исламѣ лишь - бы не отстать отъ европейцевъ. Мы вполне сочувствуемъ заявленію ихъ о безотложной необходимости современнаго европейскаго просвѣщенія для мусульманъ; мы вполне раздѣляемъ и сѣтованія ихъ на упорное уклоненіе россійскихъ мусульманъ отъ русской грамотности и русской школы вообще; но не можемъ умолчать, что причиною этого явленія служить ученіе корана и ислама, съ которымъ и намъ, русскимъ необходимо быть знакомымъ, чтобы имѣть возможность сознательно относиться къ каждому законному заявленію мусульманъ. Отвѣчая въ печатаемой статьѣ на вопросъ: *что такое коранъ?* мы жалѣемъ, что Туркестанскія Вѣдомости, по характеру и объему своему, не дозволяютъ намъ отвѣтить на этотъ важный и интересный вопросъ съ полною обстоятельностью. Вопросъ этотъ вызываетъ обширное научное изслѣдованіе, въ которомъ слѣдовало-бы установить современный научный взглядъ и разобличить всѣ, прикрываемыя учеными именами, явныя натяжки *новыхъ* мусульманъ въ пользу своей законодательной книги. Но у насъ не достаетъ смѣлости г.г. Гаспринскаго и Мурзы-Алима приняться за такой серьезный трудъ.

въ которомъ неизбежно пришлось-бы изложить дѣйствительный смыслъ ученыхъ трудовъ тѣхъ европейскихъ писателей, на имена которыхъ такъ увѣренно ссылаются наши публицисты-мусульмане, какъ-бы рассчитывая забросать русскаго читателя столь обширную свою ученостію. Если-бы г.г. Девлетъ-Кильдѣевъ, Гаспринскій и Мурза-Алимъ взяли на себя трудъ почитать хотя-бы три тома сочиненія А. Шпренгера: „Das Leben und die Lehre des Mohamnad“. (Berlin, 1861—65). то они были-бы осторожнѣе въ своихъ указаніяхъ на имена ученыхъ и сдержаннѣе въ своихъ завѣреніяхъ относительно многихъ сомнительныхъ пунктовъ въ ученіи корана и ислама. Стремленіе ихъ къ „свѣту европейскаго просвѣщенія“ отъ этого нимало не пострадало-бы, а напротивъ, много выиграло-бы въ глазахъ каждаго русскаго образованнаго человѣка, очень хорошо понимающаго, что обширная эрудиція, какую принимаютъ на себя названные авторы-мусульмане, требуетъ знакомства съ огромной литературой на европейскихъ и азійскихъ языкахъ и потому далеко не всякому доступна. Съ своей стороны мы считаемъ своею обязанностію представить читателямъ Туркестанскихъ Вѣдомостей краткое описаніе внѣшней и внутренней сторонъ корана, причемъ будемъ ссылаться, на сколько это возможно въ газетной статьѣ, на современ-

ныхъ авторитетныхъ европейскихъ ученыхъ, сказавшихъ послѣднее слово науки по этому вопросу. Гдѣ будетъ нужно, мы обратимъ вниманіе читателя на тѣ разсужденія и взгляды мусульманскихъ публицистовъ, которые объясняются или простымъ недоразумѣніемъ, очень извинительнымъ для нихъ, или же — умышленнымъ желаніемъ увѣрить русскую читающую публику, что Магометъ былъ не простой народный проповѣдникъ новой религіозной и общественно - государственной жизни арабамъ VII вѣка по Рожд. Хр., неграмотный человѣкъ, а настоящій реформаторъ въ европейскомъ смыслѣ, въ родѣ Лютера съ одной стороны и Петра Великаго съ другой, и что коранъ есть не простой, лишенный всякой системы, сборникъ несомысленныхъ правилъ религіозныхъ и гражданскихъ, а кодексъ — въ научномъ смыслѣ этого слова, не только не отстающій отъ современной ему науки, а какъ-бы опередившій ее на цѣлыя столѣтія, и что наконецъ исламъ есть такое историческое явленіе, которому все человѣчество обязано едва-ли не самую значительную часть своего современнаго развитія.

Внѣшній видъ корана.

Въ настоящее время коранъ имѣетъ форму книги средней толщины. Размѣры-же ея въ длину и ширину крайне разнообразны, что зависитъ сколько отъ вкуса издателей и переписчиковъ, столько-же и отъ назначенія корана. Назначаемые для обыкновеннаго употребленія въ школахъ и дома экземпляры корана списываются или печатаются въ листъ или въ четверть писчаго листа. Назначаемые же для употребленія въ мечетяхъ и особенно на Востокѣ, экземпляры корана имѣютъ большіе размѣры. Въ самаркандской мечети Шахъ-Зинда мы видѣли въ 1878 году списокъ корана огромныхъ размѣровъ. Любезности г. судьи Самарканда, И. М. Оранскаго, мы обязаны слѣдующими свѣдѣніями объ этомъ экземплярѣ корана: „въ 1271 году, въ мечети Биби-ханымъ утратился очень древній коранъ, который лежалъ на большомъ камнѣ и читался по пятницамъ. Коранъ просто износился и листы растерялись. Эмиръ Насрулла ⁽¹⁾ поручилъ муллѣ Хусайну написать коранъ, за что уплатилъ отъ себя 800 бухарскихъ тенегъ ⁽²⁾ и подарилъ ему дорогой халатъ. Новый коранъ, какъ и былъ предназначенъ, положенъ былъ на ка-

⁽¹⁾ Отецъ нынѣшняго бухарскаго эмира, — въ 1854-1855 г.г.

⁽²⁾ Считаая каждую теньгу въ 20 к., получится 160 р.

мень Биби-ханымской мечети, гдѣ и читался. Такъ какъ мечеть стала разрушаться, а исправить ее не собрались, то коранъ перенесли въ мечеть Шахъ-Зинда. Здѣсь онъ сохраняется 25 лѣтъ, рѣдко будучи въ употребленіи, вслѣдствіе своихъ большихъ размѣровъ. Было поползновеніе перенести сюда и камень, по размѣру котораго написанъ коранъ; но, убѣдившись, что для этого требуются неимовѣрныя усилія, камень оставили въ Биби ханымъ. Коранъ этотъ въ кожаномъ переплетѣ и сверху обтянутъ алачевой матеріей. Раскрываютъ его непременно два человѣка и для чтенія кладутъ на особую, для него приготовленную, подставку (ляухъ). Написанъ онъ на сартовской бумагѣ, склеенной по срединѣ и содержитъ тридцать листовъ. Длина листа корана 2 арш. 4 вершка, а ширина 1 арш. 6 верш. Текстъ корана со всѣхъ сторонъ окаймленъ тремя цвѣтными графами; разстояніе каймъ въ длину 1 арш. 14 верш. и въ ширину 1 арш. 2 верш. Буквы величиною по $\frac{3}{8}$ вершка; разстояніе между строками по вершку; есть и немного менѣе. Каждый листъ корана имѣетъ печать эмира Насруллы. Впрочемъ въ срединѣ корана два листа замѣнены и печати не имѣютъ. Въ позднѣйшее время, когда три тому назадъ, самаркандскимъ казіемъ засвидѣтельствована подлинность этого корана и при этомъ изложено завѣщаніе му-

сульманамъ, чтобы они, послѣ чтенія корана, поминали въ молитвахъ эмира Насруллу и муллу Хусаина“.

Какъ совершенную противоположность такимъ огромнымъ спискамъ, на Востокѣ, въ прежнее время существовали и столь маленькіе списки (1—2 вершка), что приходится невольно изумляться искусству переписчика умѣть занять такъ мало мѣста для полного корана. Въ обоихъ случаяхъ отъ переписчика требуется умѣнье писать крупно, широко и съ большими промежутками среди строкъ, или-же—умѣнье писать крайне мелко, четко и почти безъ промежутковъ среди строкъ.

Не смотря на всѣ выгоды, представляемая искусствомъ книгопечатанія, мусульмане, сколько по невѣжеству, столько-же и по религіозному фанатизму, долго не хотѣли печатать свой коранъ, потому что считали это грѣхомъ. Въ Россіи только въ концѣ прошлаго столѣтія, они рѣшились воспользоваться печатнымъ станкомъ университетской типографіи для изданія корана; но и теперь еще можно встрѣтить среди мусульманъ специалистовъ-переписчиковъ, которые тратятъ свое здоровье надъ такимъ неумѣстнымъ трудомъ, не смотря на то, что Турція, Индія, Египеть и Россія издають ежегодно массу экземпляровъ корана самой разнообразной формы.

По свойству арабскаго письма, идущаго отъ правой руки къ лѣвой, арабскій текстъ корана начинается тамъ, гдѣ европейскія книги оканчиваются, и кончается на верхней страницѣ книги. Виньетками, украшающими текстъ корана, служатъ цвѣты и только въ рѣдкихъ случаяхъ—изображенія меккской и мединской мечетей. Это потому, что изображенія живыхъ существъ мусульманамъ воспрещаются.

Самый текстъ корана раздѣленъ на главы и стихи. Всѣхъ главъ въ коранѣ 114, которыя называются *сюра*'ми, что на арабскомъ языкѣ означаетъ собственно *ряль*, *порядокъ*, точно также, какъ у евреевъ обозначались 53 чтенія пятикнижія словомъ *седеримъ*, а каждый изъ шести большихъ отдѣловъ Мишны былъ извѣстенъ подъ именемъ *седеръ* (1). Особенность корана въ этомъ случаѣ составляетъ то, что главы его не имѣютъ между собою внутренней связи, а представляются самостоятельными частями, часто состоящими изъ нѣсколькихъ отрывковъ, и въ томъ, что онѣ расположены не въ хронологическомъ порядкѣ, а по внѣшнему ихъ объему. За исключеніемъ первой главы, состоящей изъ семи краткихъ стиховъ и служащей какъ-бы введеніемъ въ

(1) Евр. *седеръ* мн. *седеримъ* означаетъ тоже, что арабское *сюра*.

коранъ, всѣ остальные слѣдуютъ одна за другой по степени ихъ величины: сначала идутъ главы съ большимъ количествомъ стиховъ, а потомъ болѣе краткія. Такъ вторая глава корана имѣетъ 286 стиховъ, третья глава имѣетъ 200 стиховъ, 4-я глава—175 стиховъ, 5-я глава—120 стиховъ, и т. д., а въ концѣ корана есть главы напр. 108 и 110-я, въ которыхъ всего по три стиха, 112 и 106 главы въ четыре стиха, 105 и 113-я въ пять стиховъ. Отсюда уже видно, что и указанный нами способъ расположенія главъ въ коранѣ, по ихъ величинѣ, строго не выдержанъ; въ срединѣ корана можно встрѣтить главы, меньшія по объему, впереди большихъ сравнительно. Вслѣдствіе такого способа расположенія частей корана, первыя, по времени своего появленія, главы оказались въ концѣ корана, а почти послѣдняя, обнародованная въ Меккѣ глава, помѣщена въ самомъ началѣ. За ней слѣдуютъ главы мединскія, появившіяся уже во время пребыванія Мухаммеда въ Мединѣ, а затѣмъ снова меккскія.

Отсутствіе строгой послѣдовательности въ распредѣленіи главъ корана легко объясняется изъ исторіи текста корана. При жизни Мухаммеда отдѣльныя части корана, какія произносилъ онъ по разнымъ случаямъ своей жизни, не были собраны въ одно цѣлое, да и не могли представить цѣлаго однородна-

го, систематическаго, подобно пятикнижію Моисея и новозавѣтнымъ христіанскимъ писаніямъ. Собраніе наставленій и законовъ Мухаммеда въ одинъ сборникъ послѣдовало уже послѣ его смерти: въ первый разъ при халифѣ Абу-бекрѣ, а во второй разъ и окончательно—при халифѣ Османѣ. Собиратели корана не могли привести находившіеся въ ихъ распоряженіи отрывки въ строгій хронологическій порядокъ, а въ иныхъ мѣстахъ не могли соблюсти и логической связи между отдѣльными частями этихъ отрывковъ, почему коранъ читается такъ скучно, что не у каждаго любознательнаго достанетъ терпѣнія прочитать эту книгу съ начала до конца и сразу не получится яснаго представленія о содержаніи ея. По выраженію А. Шпренгера, коранъ представляетъ собою книгу съ семью печатами (1).

Распорядокъ всѣхъ 114 главъ въ османовскомъ экземплярѣ не основывался, какъ говоритъ Т. Нольдеке (2) ни на какомъ принципѣ, за исключеніемъ первой главы (фатихи) и 113 и 114 главъ, извѣстныхъ подъ именемъ *муавазатани* и употребляемыхъ для талисмановъ. Это отсутствіе всякаго

(1) Das Leben und die Lehre des Mohammad. В. I. Vorrede, s. XV.

(2) Geschichte des Qorans. Gottingen. 1860. Онъ дѣлитъ всѣ главы корана на *меккскія* и *мединскія*, подраздѣляя первыя (меккскія) на три особыя группы.

опредѣленнаго правила въ распредѣленіи главъ корана въ османовскомъ экземплярѣ можно достаточно объяснить невозможностію наблюсти при собираніи отрывковъ его какой-нибудь принципъ. Издатели этого экземпляра не могли удержатъ въ главахъ корана ни порядка логическаго, ни порядка хронологическаго. Первый здѣсь былъ неумѣстенъ, потому что самъ Мухаммедъ въ одной своей проповѣди часто соединялъ предметы различнаго содержанія; хронологическій же порядокъ былъ невозможенъ потому, что ранніе по времени появленія отрывки корана были смѣшаны съ различными отрывками позднѣйшаго времени, а такихъ людей, которые могли-бы опредѣленно сказать, когда былъ обнародованъ каждый отдѣльный стихъ корана, во время халифа Османа уже не было въ живыхъ.

Поэтому на вопросъ Мухаммедъ-бенъ-Сирин'а: „будетъ-ли коранъ составленъ хронологически, какъ онъ былъ исполанъ“, Икрима могъ справедливо отвѣтить: „если-бы соединились джинны (геніи, духи) и люди для того, чтобы составить коранъ такимъ образомъ, то не были-бы въ состояніи сдѣлать этого“. — Вообще критическій принципъ, какого слѣдовало-бы держаться собирателямъ корана, былъ совершенно чуждъ мусульманамъ того времени; поэтому издатели и ограничились чисто внѣшнимъ принципомъ:

ставить напередъ болѣе длинныя главы, начиная со 2-й; но и это правило не было ими строго выдержано. Такъ напр. въ 6 главѣ 205 стиховъ, а она поставлена послѣ 5-й, въ которой только 120 стиховъ; въ 7-й главѣ только 75 стиховъ, а и въ 9-й главѣ опять 130 стиховъ. Не удивительно, если нѣкоторые мусульмане порядку главъ корана современному не приписываютъ божественнаго происхожденія, а считаютъ его дѣломъ асхабовъ (учениковъ) Мухаммеда.

У каждой главы корана, кромѣ первой, есть особое названіе. Названія эти служатъ какъ-бы заглавіями для главъ корана, хотя впрочемъ рѣдко отвѣчаютъ содержанію всей главы. Чаще всего эти названія суть только повторенія какого-нибудь отдѣльнаго выраженія, находящагося въ главѣ, будетъ-ли оно въ началѣ, или въ срединѣ, или-же ближе къ концу главы, въ родѣ: *корова, пчелы* и т. п. Эту особенность легко объяснить тѣмъ, что стихъ извѣстной главы, изъ котораго заимствовано заглавіе, первоначально принадлежалъ извѣстному отрывку, а послѣ, когда разные отрывки корана были соединены въ одну главу, то отрывки, сохранившіе свое заглавіе, дали названіе цѣлой главѣ, въ составѣ которой они занимаютъ теперь иногда средину, а иногда и конецъ главы. А самый обычай называть отрывки корана по первому слову, вполне схо-

день съ обычаемъ евреевъ, называвшихъ извѣстный отдѣлъ книги по начальному ея слову. Такъ напр. книга Бытія извѣстна у евреевъ подъ названіемъ *Берешитъ*, т. е. *Въ началъ*, и т. п. Этотъ-же обычай замѣтенъ въ надписяхъ нѣкоторыхъ псалмовъ. Если-же нѣкоторыя главы корана имѣютъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ по два названія, то это съ вѣроятностію можно объяснить или соединеніемъ двухъ отрывковъ корана, имѣвшихъ свои отдѣльныя названія, въ одну главу, или-же двумя различными списками, какими руководствовались редакторы корана. Тоже самое извѣстно и относительно нѣкоторыхъ псалмовъ въ еврейской библии.

Сначала главы корана отдѣлялись одна отъ другой только начальнымъ молитвеннымъ выраженіемъ *бисмилля*. Такъ было въ османовскихъ экземплярахъ корана. Названія же главъ, о которыхъ сейчасъ сказано, имѣютъ позднѣйшее происхожденіе, какъ это можно заключить изъ того, что въ разныхъ спискахъ однѣ и тѣ-же главы, имѣютъ различныя названія, хотя нельзя, конечно, отрицать, что нѣкоторыя названія главъ корана могли быть извѣстны еще во время Мухаммеда. Если-же главы корана, имѣвшія названія, не всегда тождественны съ главами современнаго корана, то это произошло отъ того, что главы нынѣшняго корана составлялись изъ совершенно различ-

ныхъ отрывковъ главъ мухаммедова времени, хранившихся въ безпорядкѣ у жены его Хавсы, дочери Омара. Кромѣ того, названія главъ корана первоначально не были такъ кратки, какъ теперь, т. е. не состояли изъ одного слова, но надписывались полнымъ предложениемъ, какъ напр.: „*лава, въ которой упоминается корова*“. Всѣ эти длинныя заглавія, встрѣчающіяся въ шіитскихъ комментаріяхъ корана III-го столѣтія, были замѣнены потомъ современными краткими. Аль-Хиджаджъ запретилъ употреблять длинныя заглавія и ссылался въ этомъ на Ибнъ-Масгуда. Споры о названіяхъ главъ встрѣчаются уже въ концѣ 1-го и началѣ 2-го столѣтія; но вѣроятно эти споры не установили всеобщаго правила, потому что полныя названія главъ корана встрѣчались у мусульманъ и послѣ 2-го столѣтія. Эти споры доказываютъ сами собою, что надписи главъ корана существовали уже въ концѣ 1-го столѣтія. У многихъ мусульманскихъ ученыхъ того времени упоминаются эти названія, какъ говоритъ объ этомъ Нольдеке.

Такъ какъ далѣе различныя главы корана были обнародованы Мухаммедомъ или въ Меккѣ, или въ Мединѣ, то въ арабскихъ спискахъ корана, послѣ выраженія, служащаго названіемъ главы, слѣдуетъ надпись о мѣстѣ ея появленія, съ прибавленіемъ указанія на число стиховъ главы. Надпись о

мѣстѣ появленія главы, въ подлинникѣъ выражается обыкновенно прилагательнымъ именемъ *Меккская* или *Мединская*. За этою надписью, сопровождаемою, какъ мы сказали, указаніемъ на число стиховъ, слѣдуетъ обыкновенно особое молитвенное обращеніе къ Богу: „*Во имя Бога, милостиваго, милосердаго*“. Эта краткая молитва является въ началѣ рѣшительно всѣхъ книгъ и вообще писаній мусульманскаго происхожденія, точно также, какъ она произносится мухаммеданами при началѣ каждаго дѣла (¹). Имѣя въ виду такое широкое распространеніе этого молитвеннаго воззванія, отвѣчающаго христіанскому: „во имя Отца и Сына и Св. Духа“, которое наши предки ставили въ началѣ всѣхъ своихъ сочиненій и даже писемъ, можетъ казаться страннымъ, что одна только *девятая* глава корана не имѣетъ свойственнаго остальнымъ главамъ этого молитвеннаго воззванія. Мусульманскіе толкователи корана объясняютъ это исключеніе тѣмъ, что 9-я глава составляла одно цѣлое съ предъидущей главой корана; другіе-же приписываютъ это—забвенію самого Мухаммеда, наведенному на него злымъ духомъ.

(¹) Всегда произносится она по арабски, хотя-бы произносящій совершенно ничего не понималъ въ арабскомъ языкѣ; читается она въ подлинникѣ такъ: „*Бисми-ллями-р-рахмани-р-рахимъ*“, или-же сокращенно: „*Бисми-лля*“.

Обычай мусульманъ ставить въ началѣ своихъ книгъ и отдѣльныхъ главъ корана приведенное молитвенное воззваніе есть обычай общій у нихъ съ евреями и восточными христіанами и пожалуй вообще съ восточными народами. Евреи, въ началѣ своихъ книгъ, ставятъ выраженіе: „*Во имя Бога*“ или „*Во имя Великаго Бога*“. Восточные христіане вмѣсто этого выраженія употребляютъ: „*Во имя Отца и Сына и Св. Духа*“. Персидскіе маги начинали свои книги: „*Во имя милосердаго Бога*“ (1). Это послѣднее выраженіе всего больше подходитъ къ выраженію корана, почему и можно допустить, что Мухаммедъ заимствовалъ его отъ персидскихъ маговъ, жившихъ въ его время въ Аравіи.

Изъ 114 главъ корана 29 имѣютъ кромѣ того еще ту особенность, что въ началѣ ихъ стоятъ нѣкоторыя буквы арабскаго алфавита: одна, двѣ или болѣе. Напримѣръ: въ началѣ 2, 3, 29, 30, 31, 32 главъ стоятъ буквы: А. Л. М.; въ началѣ 7 главы—А. Л. М. С; въ началѣ 10, 11, 12, 14, 15 главъ—А. Л. Р.; въ началѣ 13 главы—А. Л. М. Р. въ началѣ 19 главы—К. Г. И. Г. С. Эти буквы для нѣкоторыхъ главъ служатъ даже

(1) Аль-коранъ Магомедовъ, переведенный съ арабскаго языка на англійскій.... Георгіемъ Сейлемъ... Съ англійскаго на русскій перевелъ Алексѣй Комаковъ. Сиб. 1792. Предисловіе, стр. XI-XII.

названіями; такъ напр. 20-я называется *таи*, 36-я—*я-синъ*, 38-я—*самъ*, 50-я—*кафъ*⁽¹⁾. Что означаютъ эти буквы, мусульманскіе толковники не объясняютъ рѣшительнымъ образомъ, хотя всѣ согласно утверждаютъ, что онѣ имѣютъ значеніе, вполне извѣстное только Мухаммеду. Нѣкоторые болѣе любознательные и болѣе самоувѣренные мусульманскіе толковники стремятся объяснить значеніе этихъ буквъ, пользуясь каббалистическимъ приѣмомъ, и утверждаютъ, что эти буквы выражаютъ собою названія различныхъ свойствъ Божіихъ. Нѣкоторые думаютъ, что буквы эти указываютъ на органы ихъ произношенія; другіе утверждаютъ, что значеніе ихъ сводится къ числовымъ даннымъ⁽²⁾.

Примѣромъ такихъ объясненій могутъ служить слѣдующія объясненія буквъ А. Л. М. встрѣчающихся въ шести, а не въ пяти, какъ говоритъ г. Саль, главахъ корана,

⁽¹⁾ Въ русскомъ переводѣ корана, сдѣланномъ г. Саблуковымъ, буквы эти читаются по ихъ названіямъ въ древней русской азбукѣ, на томъ основаніи, что мусульмане, во время чтенія корана, также произносятъ названія этихъ буквъ, какія имъ усвоены въ арабской азбукѣ, напр. *алифъ*, *лямъ*, *мимъ*, и т. д.

⁽²⁾ Г. Саль: Предварительныя замѣчанія къ переводу корана, а также *Refutata* аббата Людовика Марраччи, извлеченныя имъ изъ мусульманскихъ авторовъ и изложенныя въ его капитальномъ трудѣ „*Refutatio Alcorani*“.

именно во 2-й, 3-й, 29, 30, 31, 32. Одни толковники разумѣютъ подъ этими буквами выраженія: *Аллахъ, Лятифъ Муджидъ*, что въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ Богъ—милосердый, превознесенный. Другіе читаютъ эти буквы такъ: *Ана, ли, минни*, т. е. я, мнѣ, отъ меня. Въ отношеніи къ Богу это значитъ: „*Я есмь Богъ; Мнѣ принадлежитъ совершенство; отъ Меня происходитъ всякое благо*“. Иные считаютъ эти буквы указаніемъ на слова: *Ана Аллахъ аллямъ*, т. е. *Я Богъ премудрый*.

Достойно замѣчанія въ этомъ принословленіи буквъ къ сей часъ приведенному выраженію, остроумное соображеніе мухаммеданскихъ толковниковъ. Буква *а* занимаетъ *первое* мѣсто въ арабскомъ алфавитѣ и въ ряду этихъ буквъ; она-же стоитъ въ началѣ *перваго* слова, подразумѣваемаго подъ нимъ мѣстоименія *ана*. Буква *л* занимаетъ *среднее* мѣсто въ арабскомъ алфавитѣ; она-же занимаетъ *среднее* мѣсто въ *среднемъ* подразумѣваемомъ подъ нимъ выраженіи „*аллахъ*“. Буква *м* занимаетъ послѣднее мѣсто въ числѣ буквъ, составляющихъ названіе главы; и въ подразумѣваемъ подъ нимъ выраженіи *аллямъ* эта буква занимаетъ послѣднее мѣсто. Среди мусульманъ суннитскаго толка болѣе распространено мнѣніе, что подъ этими буквами разумѣются три имени: *Аллахъ, Га-рииль и Мухаммедъ*, тѣсно связанныя въ

представленіи о коранѣ, именно: *Аллахъ*, какъ виновникъ откровенія, *Гавріиль*, какъ посредникъ и *Мухаммедъ*, какъ проповѣдникъ этого откровенія. Есть наконецъ еще два объясненія этихъ таинственныхъ буквъ. Говорятъ, что въ произношеніи звука, выражаемаго буквою *а*, участвуетъ самая отдаленная часть гортани, служащей органомъ человѣческаго голоса; въ произношеніи звука *л* участвуетъ внутренняя полость рта, составляющая срединный органъ голоса; а для произношенія звука *м* необходимо участие губъ, послѣдней составной части голосоваго механизма; поэтому названныя буквы могутъ означать Бога, какъ начало, средину и конецъ всего, и что Ему мы обязаны воздавать хвалу въ началѣ, срединѣ и концѣ всѣхъ своихъ словъ и дѣяній. Наконецъ, если переложить эти три буквы на числа, то выйдетъ число 71, означающее, что религія Мухаммеда распространилась и вполнѣ утвердилась въ мірѣ въ продолженіи именно этого числа лѣтъ.

Догадка А. Ширенгера относительно значенія этихъ буквъ также мало вѣроятна, какъ и приведенныя объясненія мухаммеданскихъ ученыхъ. Онъ думаетъ, что буквы эти были поставлены писцомъ Мухаммеда вмѣсто арабскаго выраженія: „*амира ли Мухаммедъ*“, что въ переводѣ означаетъ: „миѣ повелѣлъ Мухаммедъ“ и что пять буквъ

стоящихъ въ началѣ 19-й главы написаны были писцомъ Мухаммеда изъ іудеевъ и означаютъ въ переводѣ: „какъ приказано“. Если - же поставленные въ началѣ 19-й главы пять буквъ (к. г. и. г. с.) читать, какъ вырѣзки на арабскихъ печатяхъ-снизу къ верху, то можно будто-бы переводить ихъ словами: „*Иисусъ Назарянинъ царь іудейскій*“ на томъ основаніи, что эта глава составлена Мухаммедомъ подъ вліяніемъ разговоровъ его со своими послѣдователями, возвратившимися изъ Медины, объ Иисусѣ Христѣ. Въ такомъ случаѣ каждую изъ этихъ буквъ нужно считать сокращеніемъ отдѣльнаго слова, что совершенно въ духѣ арабской скорописи (1).

Гораздо правдоподобнѣе догадка Нольдеке, который считаетъ возможнымъ признать за окончательно рѣшенное, что находящіяся въ началѣ нѣкоторыхъ главъ буквы не были внесены въ списки корана по распоряженію Мухаммеда, потому что было - бы странно предполагать, что Мухаммедъ присоединялъ къ своимъ проповѣдямъ, назначеннымъ для всѣхъ, такіе непонятные знаки. Поэтому Нольдеке предполагаетъ за вѣроятное—и это дѣйствительно очень правдоподобно—что отдѣльныя буквы и цѣлыя группы буквъ, находящіяся въ началѣ перечисленныхъ выше

(1) A. Sprenger, B. 2, ss. 182—183, Anmerk. I.

главъ корана, первоначально служили знаками того, кому принадлежали списки главъ, которыми пользовался Зейдъ, при собираніи текста корана, и что буквы эти, только по невнимательности издателей корана, вошли въ окончательную его редакцію. За такое предположеніе говоритъ и то, что цѣлый рядъ главъ, стоящихъ въ коранѣ рядомъ и принадлежащихъ разному времени, обозначены буквами Х. М., такъ что невольно предполагаешь, что эти главы взяты изъ списка, состоящаго изъ тѣхъ же самыхъ главъ, какія находятся и въ современномъ коранѣ, и что въ экземплярѣ, которымъ пользовались редакторы корана, главы эти были расположены въ томъ-же самомъ порядкѣ и имѣли каждая такую отмѣтку. Главы, о которыхъ говоритъ Нольдеке, въ современномъ коранѣ извѣстны въ числѣ шести и расположены дѣйствительно рядомъ. Это—40, 41, 43, 44, 45 и 46 главы. Въ ряду этихъ главъ нѣтъ только 42 главы, которая имѣетъ свою группу буквъ. Нольдеке не находитъ ничего невѣроятнаго предполагать, что эти буквы были первоначально только замѣтками, указывавшими на имя владѣтеля списка этихъ главъ. Согласно съ такимъ предположеніемъ, онъ и объясняетъ нѣкоторыя буквы слѣдующимъ образомъ: напр. буквы А. Л. Р. онъ считаетъ сокращеніемъ собственнаго имени *Аль-Зубайра* (читать нужно: *Аз-Зубайръ*), ко-

торый былъ однимъ изъ сотрудниковъ Зейда по редакціи текста корана при халифѣ Османѣ; буквы Т. Х—сокращеніемъ имени *Талха* и т. д. Объясненіе, представленное Шпренгеромъ относительно буквъ, стоящихъ въ началѣ 19-й главы, Нольдеке считаешь неудовлетворительнымъ вообще и кромѣ того замѣчаетъ, что Мухаммедъ нигдѣ не высказалъ своего знакомства съ исторіею осужденія Іисуса Христа на смерть и съ надписью, сдѣланною на его крестѣ Пилатомъ. Мухаммедъ никогда не считалъ Іисуса царемъ іудейскимъ, а если - бы онъ понималъ весь смыслъ этой ироніи, то не преминулъ-бы высказать это прямо въ коранѣ, въ обличеніе іудеевъ и христіанъ.

Объясненіе, или вѣрнѣе только приѣмъ Нольдеке, какой онъ считалъ болѣе приложимымъ къ объясненію таинственныхъ буквъ корана, не смотря на правдоподобіе, и самимъ Нольдеке не признается окончательнымъ. Онъ говоритъ, что самая возможность читать по этому способу различнымъ образомъ эти знаки, дѣлаетъ все сомнительнымъ, ненадежнымъ (1). Такая осторожность Нольдеке дѣлаетъ ему честь, а самое объясненіе его заслуживаетъ вѣроятія. Каждый можетъ убедиться, что буквы эти имѣли до нѣкоторой степени вліяніе на распредѣленіе главъ ко-

(1) *Geshichte des Qorans*, § 215—216.

рана, потому что эти буквы встрѣчаются большею частію не въ одиночныхъ главахъ, а въ цѣлыхъ группахъ главъ, которыя притомъ почти всегда расположены строго послѣдовательно, одна за другою. Послѣ представленнаго способа объясненія этихъ буквъ, должно казаться натянутымъ объясненіе Шпренгера о буквѣ Н., поставленной въ началѣ 68 главы корана. Онъ говоритъ, что она поставлена здѣсь вѣроятно для опредѣленія рифмы, съ какой написаны первые 6 стиховъ 68 главы (1). Но въ такомъ случаѣ и всѣ буквы, поставленныя въ началѣ 29 главы, указывали-бы на рифму, чего однако-же въ коранѣ не замѣтно. Самая единичность случая совпаденія буквы Н. съ рифмою стиховъ корана не ручается за истину, не говоря уже о томъ, что такимъ образомъ нужно было - бы въ каждомъ случаѣ надписей главъ корана видѣть особыя, совершенно отличныя отъ другихъ, побужденія и цѣли редакторовъ корана, чего не допускаютъ и сами мусульмане, которые всѣ эти буквы объясняютъ по одному приему, именно считая ихъ сокращеніемъ извѣстныхъ выраженій. Въ этомъ случаѣ Шпренгеръ допустилъ необычную для него оплошность и съ точки зрѣнія мусульманъ можно находить болѣе смысла въ своеобразномъ объясненіи этой

(1) A. Sprenger, B. 1, s. 308. Anmerk. 1.

буквы Бяйзавіемъ, который считаетъ ее названіемъ рыбы (въ коранѣ пророкъ Іона называется *Дзу-н-нунъ*, т. е. товарищъ рыбы) (1).

Каждая глава корана раздѣляется на большія неравныя части, называемыя по арабски *аятъ* и соотвѣтствующія *стихамъ* нашей библии. Арабское *аятъ* соотвѣтствуетъ еврейскому *ойотъ* и означаетъ собственно *знаменіе* или *чудо*. Такое названіе дано стихамъ корана потому, что содержаніемъ ихъ служатъ знаменія Божіи, явленныя въ коранѣ роду человѣческому. Въ арабскомъ текстѣ эти стихи означены только звѣздочкой и только въ немногихъ спискахъ корана обозначены цифрами. Основаніемъ для этого большею частію служитъ риѐма, но при всемъ этомъ въ разныхъ редакціяхъ корана число стиховъ и буквъ неодинаково: въ однѣхъ больше, въ другихъ—меньше.

Вслѣдствіе потребности удовлетворять религиозному чувству мусульманъ чтеніемъ корана кряду и именно прочтеніемъ всего корана въ сутки,—коранъ, кромѣ дѣленія на главы и стихи, дѣлится еще на 30 частей называемыхъ *дзюза* т. е. доля. Каждая изъ этихъ долей назначается для прочтенія, особымъ чтецомъ, въ мечети, въ назиданіе богомольцевъ, такъ какъ одному чтецу было бы очень трудно прочитать въ сутки всѣ 114

(1) Толкованіе на коранъ казы-Бяйзави. Гл. 68-я.

главъ кряду. Дѣленіе это, равно какъ и дѣленіе на главы и стихи, вполне отвѣчаетъ подобному-же дѣленію св. книгъ евреевъ на особыя чтенія, назначаемыя для прочтенія въ извѣстное время.

Подражаніе мусульманъ евреямъ въ отношеніи текста корана проявилось наконецъ еще въ слѣдующемъ: „общепризнаннымъ фактомъ считается, говоритъ проф. Хвольсонъ, что евреи весьма бережно обращались съ текстомъ священнаго писанія, что они даже сосчитали слова и буквы его, и такимъ образомъ охранили его отъ произвольныхъ измѣненій“ (1). Очевидно, по тѣмъ-же побужденіямъ, мусульмане первыхъ временъ ислама сосчитали количество стиховъ, словъ и отдѣльныхъ буквъ въ коранѣ. Изъ семи древнихъ списковъ корана, въ первомъ мединскомъ спискѣ было 6000 стиховъ, во второмъ (мединскомъ же) 6214 стиховъ, въ третьемъ (меккскомъ) 6219 стиховъ, въ четвертомъ (куфскомъ) 6236 стиховъ, въ пятомъ (басрскомъ) 6214 стиховъ, въ шестомъ (сирскомъ) 6226 стиховъ, въ седьмомъ 6225 стиховъ. Всѣ эти списки корана содержатъ въ себѣ, по вычисленію мусульманскихъ ученыхъ, одно и тоже число словъ—77,639 и

(1) Исторія ветхозавѣтнаго текста и очеркъ древнѣйшихъ его переводовъ по ихъ отношенію къ подлиннику и между собою. Христіанское чтеніе, 1874 г. Май, стр. 3.

одно и тоже число буквъ—323,015 (1). Но такое многостороннее и слѣпое подражаніе іудеямъ со стороны мусульманъ мало принесло пользы послѣднимъ: необходимость толковать текстъ корана вызвала въ исламѣ къ существованію особый классъ людей—*улемовъ*, имѣющихъ много общаго съ еврейскими книжниками. Обязанности тѣхъ и другихъ состояли въ примѣненіи, посредствомъ толкованія, текста священнаго кодекса къ обстоятельствамъ времени. Впослѣдствіи у мусульманъ возникли такія-же почти затрудненія, какія появились у іудеевъ, вслѣдствіе разсѣянія ихъ за предѣлы Палестины. Нужно было, приноравленныя собственно къ арабской мѣстности, постановленія корана, примѣнить къ другимъ странамъ ислама, почему явились натянутыя толкованія корана, прилагающія текстъ корана къ такимъ обстоятельствамъ, какихъ Мухаммедъ не могъ имѣть въ виду и къ какимъ, слѣдовательно, текстъ корана не могъ имѣть никакого отношенія. Замкнутость іудейскаго народа рушилась въ свободѣ и любви евангельской, а мусульманская отчужденность отъ остальнаго міра, до сихъ поръ не находитъ себѣ благопріятнаго для соціальной ихъ жизни выхода, не смотря на непримѣнимость предписаній корана объ отношеніяхъ мусульманъ къ невѣрующимъ.

(1) Предисловіе къ переводу корана г. Сала.

Краткая исторія текста корана.

По вѣрованію мусульманъ, коранъ есть истинное слово Божіе, предвѣчно написанное на небесной скрижали, тщательно сохраняющейся на небѣ (¹), подъ престоломъ Аллаха и извѣстной подъ именемъ *умму-ль-китабъ* (²). Ангелы охраняютъ эту скрижаль со всѣхъ сторонъ, чтобы демоны не проникли въ тайны ея содержанія. Эта скрижаль такъ же длинна, какъ разстояніе неба отъ земли и такъ же широка, какъ разстояніе между востокомъ и западомъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ мусульманскихъ ученыхъ, эта скрижаль была первымъ твореніемъ божественнаго всемогущества. Она сдѣлана изъ одного драгоценнаго камня ослѣпительной бѣлизны.

Съ самаго верхняго (седьмого) неба архангелъ Гавріиль низводилъ въ сознаніе Мухаммеда содержаніе корана по частямъ, по мѣрѣ надобности, въ теченіи 23-лѣтней дѣятельности Мухаммеда въ Меккѣ и Мединѣ. Первое откровеніе Мухаммеду было

(¹) Коранъ, гл. 13, ст. 39; гл. 56, ст. 76—77; гл. 80, ст. 13—15.

(²) Буквально: „мать книгъ“, т. е. корана.

въ рамазанъ, въ ночь 27 числа, извѣстную подъ именемъ „ночи опредѣлений“ (1).

Ученіе о томъ, что подлинникъ корана хранится на небѣ, было высказано Мухаммедомъ по слѣдующему случаю: меккскіе язычники не хотѣли вѣрить, что коранъ ниспосланъ отъ Бога, и думали, что коранъ есть ученіе самого Мухаммеда и его учителей (2). Для опроверженія этого мнѣнія, они требовали явнаго, чудеснаго сошествія корана съ неба (3), требовали явленія ангела (4) и разныхъ житейскихъ удобствъ для себя и для самого Мухаммеда (5).

Подобныя-же требованія, кромѣ меккскихъ язычниковъ, предъявляли ему и іудеи. „Они говорятъ: Богъ ни одному человѣку никогда не ниспосылалъ ничего свыше. Скажи, кто ниспослалъ писаніе, которое принесть Моисей для просвѣщенія и руководства людямъ, которое вы пишете на хартіяхъ, которое показываете, а многое скрываете; которымъ научены вы тому, чего прежде не знали ни вы, ни отцы ваши? Скажи

(1) Коранъ, гл. 2, ст. 181; гл. 44, ст. 2—3; гл. 29, ст. 1—5.

(2) Коранъ, гл. 10, ст. 39; гл. 25, ст. 5; гл. 32, ст. 2; гл. 6, ст. 105; гл. 16, ст. 105; гл. 44, ст. 13.

(3) Коранъ, гл. 74, ст. 52.

(4) Коранъ, гл. 6, ст. 8; гл. 11, ст. 15; гл. 15, ст. 7; гл. 25, ст. 8.

(5) Коранъ, гл. 11, ст. 15; гл. 17, ст. 92—95; гл. 25, ст. 9.

Богъ. И послѣ того оставь ихъ въ этомъ омутѣ, въ которомъ купаться имъ любо“ (1). Въ объясненіе этого стиха, въ мусульманскомъ преданіи говорится, что одинъ іудей, по имени Маликъ, пришелъ въ Мекку поспорить съ пророкомъ. Пророкъ сказалъ ему: „заключаю тебя Богомъ, который далъ Моисею законъ, скажи мнѣ: не написано-ли въ законѣ (тора), что нѣкоторые раввины разжирѣютъ“. Маликъ, который былъ плотнаго тѣлосложенія, разсердился и сказалъ: „Богъ ничего не открывалъ человѣку“. Когда іудеи слышали слова Малика, то порицали его и говорили: „какъ, развѣ Богъ не открылъ Моисею Тору? Какъ можешь ты говорить это?“ Онъ отвѣтилъ: „Мухаммедъ разсердилъ меня, и я въ гнѣвѣ сказалъ эти слова“. Тогда іудеи сказали: „если ты въ гнѣвѣ говоришь такія вещи, то ты недостойнъ раввинскаго званія“. Они низложили его и поставили на мѣсто его другаго раввина. Ибнъ-Аббасъ говоритъ о томъ-же слѣдующее: „іудеи спросили пророка: ниспослалъ-ли Богъ тебѣ книгу съ неба? Онъ отвѣтилъ: да! Они сказали: Богъ не посылалъ никакой книги съ неба (Онъ только вдохновляетъ пророковъ)“. Этотъ споръ Мухаммеда съ іудеями, даже въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представленъ въ преданіи, показываетъ, что іудеи особенно

(1) Коранъ, гл. 6, ст. 91.

возставали противъ ученія о божественномъ происхожденіи корана и очень сильно и мѣтко возражали Мухаммеду. По свидѣтельству Таляби, они осмѣливались говорить: „о если бы ему было ниспослано какое либо сокровище, или сошелъ-бы вмѣстѣ съ нимъ ангель“! (1).

Когда-же Мухаммедъ не могъ отвѣчать на хитрые вопросы своихъ противниковъ, тогда онъ сослался на то, что Богъ попускаетъ ему нѣчто забывать изъ откровеній, и что, вслѣдствіе забвенія, онъ не можетъ дать прямой отвѣтъ на предлагаемые ему вопросы (2). Въ утѣшеніе себя онъ говорилъ: „Господи! Народъ мой считаетъ сей коранъ пустословіемъ. Такъ, каждому пророку Мы (Богъ) ставили враговъ нечестивыхъ; но Господь твой достаточный для нихъ вождь и помощникъ. Невѣрующіе говорятъ: о если-бы коранъ былъ ниспосланъ ему въ одномъ полномъ составѣ! Но такъ—для того, чтобы укрѣпить твое сердце,—мы раздѣлили его на отдѣлы“ (3).

Иногда-же Мухаммедъ, не находя въ своей головѣ отвѣта противникамъ, говорилъ, что Богъ потому не творитъ чуда, что арабы—невѣжды, что чудеса не образумили-бы

(1) Коранъ, гл. 10, ст. 15.

(2) Коранъ, гл. 2, ст. 100; гл. 1, ст. 15; гл. 87, ст. 6—7.

(3) Коранъ, гл. 25, ст. 32—34.

ихъ, что ангелы могли быть ниспосланы на землю, если-бы на землѣ жили ангелы, что это было-бы для людей гибельно и что, наконецъ, Богъ совершилъ-бы чудо, если-бы арабы увѣровали въ коранъ (1).

По преданію у Бохари, Мухаммедъ всегда бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, но особенно въ мѣсяцъ рамазанъ, когда ангель Гавріиль посѣщалъ его каждую ночь до конца мѣсяца, а Мухаммедъ предлагалъ ему коранъ, для сличенія съ небеснымъ его оригиналомъ. Въ другомъ преданіи говорится, что дочь Мухаммеда, Фатима пошла однажды прогуливаться въ то мѣсто, гдѣ прогуливался и Мухаммедъ. Онъ поцѣловалъ ее, посадилъ около себя и рассказалъ ей одну тайну. Когда она услышала эту тайну, то заплакала. Потомъ онъ рассказалъ ей другую тайну, и она засмѣялась. Жена Мухаммеда, Айша сказала ей: „я никогда не видала радости, такъ близкой къ горю, какъ сегодня; что рассказывалъ тебѣ пророкъ“? Фатима отказалась передать тайну. Когда-же пророкъ умеръ, Айша спросила Фатиму о тайнѣ, какую пророкъ рассказалъ ей въ упомянутомъ случаѣ. Она отвѣтила: „онъ открылъ мнѣ, что Гавріиль ежегодно сличалъ съ нимъ коранъ *однажды*, а въ этотъ годъ онъ сличалъ

(1) Коранъ, гл. 6, ст. 37, 109—111, гл. 27, ст. 96—97; гл. 6, ст. 8—9; гл. 43, ст. 32—34, и др.

дважды, и вывелъ отсюда заключеніе, что приближается его смерть и что она (Фатима) будетъ первымъ сочленомъ его въ раю. Отъ этого Фатима заплакала, и Мухаммедъ прибавилъ: развѣ ты недовольна тѣмъ, что будешь царицею райскихъ женщинъ (гурій) и жень мусульманъ? Отъ этого я засмѣялась“, сказала Фатима.

Нѣкоторые мусульмане думаютъ, что коранъ не созданъ, но отъ вѣчности существовалъ вмѣстѣ съ Богомъ, а другіе (еретики *мотазалиты*) обвиняютъ въ невѣріи тѣхъ, которые думаютъ, что коранъ не созданъ, ибо, говорятъ еретики, этимъ они допускаютъ два вѣчныя существа. Во всякомъ случаѣ всѣ мусульмане согласно утверждаютъ, что коранъ есть слово самого Аллаха.

Но не такъ смотритъ на происхожденіе корана современная наука. Одинъ изъ авторитетныхъ современныхъ оріенталистовъ по этому поводу говоритъ, что ни въ одной литературѣ нельзя найти такого процесса составленія книги, который-бы могъ дать точное представленіе о редакціи корана. Это — ни книга, написанная послѣдовательно; ни опредѣленный текстъ, мало по малу доходившій до опредѣленности въ чтеніи; ни редакція наставленій учителя, сдѣланная по воспоминаніямъ его учениковъ.... Это — сборникъ проповѣдей и пожалуй ежедневныхъ приказаній Мухаммеда, носящихъ на себѣ

отпечатокъ мѣста, гдѣ они появились, и слѣды обстоятельствъ, вызвавшихъ ихъ.

Авторомъ корана былъ самъ Мухаммедъ. Онъ родился въ Аравіи въ такое время (1), когда она представляла жалкую картину въ религіозномъ отношеніи: язычество, сабеизмъ, парсизмъ, іудейство и христіанство имѣли въ ней своихъ представителей, вѣрованія которыхъ постепенно взаимно смѣшивались и мало по малу превратили древне-языческую святыню арабовъ, каабу въ пантеонъ. Въ каабѣ и около нея были собраны идолы всѣхъ арабскихъ племенъ, изображенія древнихъ патріарховъ еврейскаго народа и Дѣвы Маріи съ божественнымъ младенцемъ. Они вѣровали въ единаго Бога (Аллаха) и почитали Его творцомъ небесъ и земли, творцомъ человѣка, правителемъ и промыслителемъ міра, подающимъ людямъ все потребное для ихъ жизни. Но при такомъ представленіи о Богѣ, согласномъ съ еврейскимъ и христіанскимъ ученіемъ, нѣкоторые арабы вѣровали, что у Бога есть дѣти, существа женскаго пола, которыхъ они и называли дочерьми Бога. Это такъ называемые геніи (джиннъ), которыхъ они по этому признавали достойными поклоненія; думали, что геніи приближаютъ людей къ Богу и ходатай-

(1) Онъ родился въ Меккѣ, 20 апрѣля 571 года по Род. Хр. См. А. Sprenger, В. 1, s. 138.

ствують за нихъ предъ Богомъ. Вмѣстѣ съ геніями, арабы признавали и бытіе ангеловъ, но опять считали нѣкоторыхъ изъ нихъ существами женскаго пола. Въ коранѣ сохранились имена восьми божествъ, почитаемыхъ арабами мухаммедова времени: аль-Лата, аль-Узза, Мена, Ваддъ, Сувагъ, Ягусъ, Ягувъ и Насръ. Нѣкоторыя изъ этихъ божествъ имѣли видимыя изображенія (идолы), которыя были разрушены въ первые годы ислама.

Нравы современныхъ Мухаммеду арабовъ были также не высоки: они допускали кровосмѣшеніе, къ женщинѣ не всегда относились скромно, дочерей вообще не любили и убивали ихъ тотчасъ по рожденіи, зарывая живыми въ землю. Кромѣ того, среди арабовъ того времени были крайніе невѣры-матеріалисты, думавшіе, что міръ сотворенъ безъ цѣли, по пустому; что люди сотворены для шутки, какъ игрушка; не вѣрили въ загробную жизнь, въ воскресеніе мертвыхъ и въ послѣдній судъ и считали это ученіе мечтою, вымысломъ (1).

При всемъ этомъ религіозныя распри самыя разнообразныя и заблужденія, несообразныя съ здравымъ смысломъ, наполняли Аравію и заставляли разсуждающихъ и религіозныхъ людей задумываться надъ этимъ

(1) См. коранъ въ весьма многихъ мѣстахъ, см. Указателю г. Саблукова, на стр. 16—19.

Арабское язычество, бессильное само устоять твердо при такихъ обстоятельствахъ, не могло служить связующимъ началомъ разрозненныхъ политически арабскихъ племенъ. Все было настроено въ пользу всесторонняго преобразованія жизни арабовъ.

Въ это-то время и выступилъ, въ качествѣ народнаго проповѣдника, Мухаммедъ, поучавшій арабовъ оставить свои религіозныя заблужденія и обратиться къ вѣрѣ праотца Авраама, къ вѣрѣ въ единого Бога. Мухаммедъ былъ внукомъ Абду-ль-Муталлиба, сынъ Абдаллы и Амины, женившійся на купчихѣ-вдовѣ Хадиджѣ ⁽¹⁾, по торговымъ дѣламъ которой онъ предпринималъ нѣсколько путешествій по Аравіи. Нервный, болѣзненно-впечатлительный, религіозный, наслушавшійся во время своихъ торговыхъ путешествій разныхъ религіозныхъ сказаній, онъ сталъ задумываться надъ состояніемъ своего отечества и удалялся въ гору Хира для безпрепятственнаго занятія своими думами. Постъ способствовалъ развитію въ немъ нервозности. Въ 612-мъ году, на 40-мъ году жизни, лѣтомъ, въ мѣсяцъ рамазанъ, Мухаммедъ объявилъ себя посланникомъ Божиимъ, назначеннымъ возстановить вѣру Аврааму въ

(1) Хадиджа имѣла тогда 38 или 39 лѣтъ, тогда какъ Мухаммеду было всего 24 или 25 лѣтъ. Слѣдовательно Мухаммедъ былъ моложе ея на 15 лѣтъ. Sprenger, В. 1, s. 150.

Аравіи, и съ тѣхъ поръ до смерти своей (632 г.), подъ вліяніемъ обстоятельствъ жизни, онъ обращался къ своимъ соотечественникамъ съ разными увѣщаніями, сначала исключительно религіознаго характера, вступаая въ религіозные споры съ своими противниками, а затѣмъ, въ Мединѣ, куда онъ долженъ былъ въ 622 г. бѣжать, спасая свою жизнь отъ враговъ, выступилъ уже въ роли основателя теократическаго государства и, соотвѣтственно этому, не только объявлялъ своимъ послѣдователямъ религіозныя наставленія, но и обнаруживалъ уже чисто гражданскія постановленія, касающіяся разныхъ сторонъ жизни и дѣятельности своихъ послѣдователей. Въ Мединѣ совершенно измѣнилось положеніе Мухаммеда. Въ Меккѣ онъ боролся почти исключительно съ грубымъ язычествомъ; въ Мединѣ противъ него возстали іудеи и христіане. Въ Меккѣ онъ терпѣлъ униженіе и преслѣдованія; въ Мединѣ онъ, противъ своего ожиданія, сталъ главою сильной религіозно-политической общины. Въ Меккѣ онъ преимущественно изображалъ верховнаго владыку и судію всѣхъ тварей, указывалъ вездѣ и во всемъ проявляющуюся премудрость Божію; въ Мединѣ онъ на первомъ планѣ ставилъ свою личность, постоянно твердилъ о вѣрѣ въ посланника Божія и о повиновеніи ему. Въ Меккѣ онъ, полный болѣзненнаго сочувствія къ

заблуждающимся, призывалъ къ вѣрѣ людей и даже джинновъ, во имя самой ихъ природы, созданной для служенія Богу (1); въ Мединѣ образовавшаяся около него обширная партія вѣрующихъ какъ-бы заслонила собою отъ него остальное человѣчество; онъ обращаетъ свои рѣчи почти исключительно къ нимъ, и, кажется, только опасная сила и вліяніе многочисленныхъ іудеевъ и христіанъ, или вообще „народа писаній“, вынуждали его на внимательность и воззванія къ нимъ. Въ Меккѣ окружали его немногіе вѣрующіе, по внутреннему расположенію, искренно подчинившіеся силѣ его слова; въ Мединѣ большею частію обращались къ исламу изъ боязни грубой матеріальной силы, присоединялись къ его партіи лицемѣрно; да и самъ онъ сталъ далеко уже не тѣмъ пламеннымъ энтузіастомъ, который, чувствуя высоту и силу своей идеи, беспощадно поражалъ безотчетныя и грубыя мнѣнія окружающихъ его; здѣсь онъ значительно понижается къ уровню воззрѣній толпы, съ которою имѣетъ дѣло. Отсюда, вмѣсто сильныхъ, исполненныхъ поэтическаго одушевленія обличеній противъ суевѣрныхъ язычниковъ, въ мединскихъ главахъ корана мы находимъ тупую, натянутую, иногда бессильно злобную полемику противъ іудейства и христіанства.

(1) Коранъ, гл. 30, ст. 29; гл. 51, ст. 56.

Какъ глава и повелитель ввѣрившихся ему людей, Мухаммедъ въ Мединѣ, предпочтительно предъ поученіями чисто нравственными, до утомительныхъ подробностей, излагаетъ обрядовую сторону своей религіи, издаетъ постановленія гражданскія, опредѣляетъ отношенія вѣрующихъ къ самому себѣ и между собою и, горькимъ тринадцати лѣтнимъ опытомъ дознавши недостаточность одной силы слова для внѣшней безопасности, извлекаетъ мечъ на защиту себя и своихъ, удовлетворяя тѣмъ и глубокому въ арабѣ чувству мести. Самая рѣчь его изъ свѣжей и живой переходитъ въ вялую и бездушную прозу, мысли излагаются сухо, а на концѣ стиховъ, для риѣмы, къ дѣлу и не къ дѣлу, повторяются слова: „*Богъ всемогущъ и премудръ*“; „*Богъ всевъдуцъ*“; „*Богъ всемогущъ*“, „*но вы этого не разумѣете*“, или: „*Неужели вы не вразумитесь*“ и т. п. Вообще, въ положительной сферѣ правителя и законодателя, Мухаммедъ становится уже не на своемъ мѣстѣ. Въ его словахъ сердце мало принимаетъ участія; вездѣ видна разсчитанная работа холоднаго разсудка; горячее чувство уступаетъ мѣсто холоднымъ, бездушнымъ софизмамъ. Поэтическое чувство вновь загорается почти только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ выступаетъ съ словами обличенія противъ лицемѣровъ. Въ Меккѣ смѣялись надъ Мухаммедомъ, что онъ долго не выду-

мываетъ новыхъ главъ корана, но онъ терпѣливо ждалъ минутъ одушевленія и восхищенія (экстаза); въ Мединѣ онъ не задумывается надъ обнародованіемъ новыхъ откровеній; по поводу самыхъ мелкихъ обстоятельствъ, даже грязныхъ домашнихъ сценъ въ заведенномъ имъ гаремѣ, онъ выдаетъ отъ имени Бога пригодныя къ случаю распоряженія; совѣты и внушенія другихъ онъ нисколько не затрудняется выдавать за божественныя откровенія. Словомъ, это уже не тотъ грѣшникъ, который, наравнѣ съ другими смертными, нуждался въ неослабной помощи Божіей, но — самоувѣренный, самовластный владыка. Въ Мединѣ, между добрыми сторонами его характера, весьма замѣтно выступаютъ и слабости его восточной натуры (1).

Такимъ образомъ, въ теченіи 23 лѣтъ, Мухаммедъ высказалъ своимъ послѣдователямъ

(1) Главныя мысли и духъ корана. Соч. О. Кудѣвскаго. Казань, 1875, стр. 11—13. У Шпренгера (т. 3, стр. 61—87) приведены очень любопытныя данныя на тему о томъ, что Мухаммедъ, подъ вліяніемъ своей слабости къ женщинамъ, выдавалъ за откровенія Божіи мысли, внушенныя ему его чувствами, такъ что однажды Айша сказала ему (по поводу гл. 33, ст. 49) въ глаза: „Твой Господь спѣшитъ изъяснить свое соласіе на твои удовольствія“. Читая коранъ, дѣйствительно поражаешься тономъ и содержаніемъ особенно нѣкоторыхъ мѣстъ его, въ которыхъ идетъ рѣчь о женахъ Мухаммеда.

много разнообразныхъ проповѣдей, рѣшеній и распоряженій, которыя у всѣхъ его послѣдователей были постоянно въ сознаніи, а у нѣкоторыхъ сохранялись въ памяти въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ были произнесены имъ самимъ

„Мухаммедъ умеръ и заключились откровенія для муслимовъ“ (¹). Эти слова Шпренгера имѣютъ тотъ смыслъ, что смерть Мухаммеда была заключительнымъ моментомъ въ исторіи происхожденія корана. Смерть Мухаммеда была для мухаммеданъ смертию не простаго человѣка, хотя и человѣка со властію, но смертию *пророка*, который одинъ имѣлъ право издавать, подъ именемъ *божественныхъ* откровеній, разныя повелѣнія, заповѣщанія, рассказы, правоучительныя примѣры и т. д. Одинъ Мухаммедъ могъ съ каждымъ новымъ днемъ пополнять содержаніе корана новымъ матеріаломъ и потому коранъ, не смотря на свой законодательный характеръ, не могъ вмѣстить въ себѣ позднѣйшихъ предписаній преемниковъ Мухаммеда: халифовъ Абу-Бекра, Омара, Османа Али и пр., потому что они не пользовались авторитетомъ посланниковъ божіихъ, каковымъ, по преимуществу, считалъ себя авторъ корана, Мухаммедъ. Поэтому-то смерть Мухаммеда была въ одно и тоже время и смертию

(¹) А. Sprenger, В. III, s. XXXVIII.

пророка мухаммеданъ и смертью автора корана. Послѣ этой невознаградимой для мухаммеданъ потери, законодательная ихъ книга не могла уже болѣе увеличиваться въ своемъ объемѣ и, по неизбѣжной необходимости, должна была заключиться въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ застигла ее смерть Мухаммеда.

Смерть Мухаммеда послѣдовала не совсѣмъ своевременно. Мухаммедъ, всю жизнь свою учившій о себѣ, какъ о простомъ смертномъ, жилъ, дѣйствовалъ и наконецъ умеръ также обыкновенно, какъ умираютъ всѣ великіе и не великіе люди. Умирая, онъ едва-ли зналъ, что смерть дѣлаетъ къ нему послѣдній приступъ и окончательный. Упоминаніе Мухаммеда о своей смерти ни мало не было пророчествомъ, въ собственномъ смыслѣ. Указывая на неизбѣжность своей смерти, Мухаммедъ говорилъ о себѣ тоже, что на его мѣстѣ сказалъ-бы каждый изъ насъ (1), говорилъ въ подтвержденіе своего чело-вѣческаго происхожденія, вслѣдствіе котораго ему необходимо было, подобно другимъ людямъ, умереть; но *когда* умереть—этого Мухаммедъ никогда не зналъ. Что онъ не зналъ о времени своей смерти, это видно изъ того, что онъ не сдѣлалъ никакихъ рас-

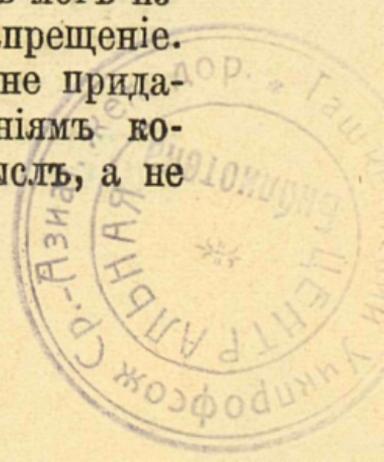
(1) Коранъ, гл. 3, ст. 138; гл. 10, ст. 47; гл. 21, ст. 35; гл. 39, ст. 31; гл. 40, ст. 77.

пораженій, ни относительно своей власти, ни относительно своего закона, хотя ни та, ни другой не были окончательно утверждены ни въ жизни, ни въ сознаниі его послѣдователей.

Тѣмъ и доказывается больше всего несвоевременность Мухаммедовой смерти, что она лишила его послѣдователей возможности получать новыя предписанія съ именемъ божественныхъ откровеній, въ которыхъ они продолжали нуждаться. Новоучрежденное теократическое государство Мухаммеда, постоянно возрастая въ своемъ внѣшнемъ могуществѣ, постоянно создавало новыя общественныя и государственныя потребности. Интересы побѣдителей сталкивались съ интересами побѣжденных—и потребность въ политическомъ высшемъ, внѣшнемъ авторитетѣ была теперь всего ощутительнѣе. А такимъ авторитетомъ могъ быть только законъ Мухаммеда, освященный именемъ божественной книги. На эту-то книгу вниманіе мухаммеданскихъ правителей и было устремлено по смерти Мухаммеда. Когда былъ живъ самъ Мухаммедъ, его послѣдователямъ не было особенной нужды заботиться о коранѣ. Каждый случай въ ихъ религіозной и общественной жизни, каждое недоумѣніе и сомнѣніе какого-бы рода они ни были, могли тотчасъ-же разрѣшаться живымъ словомъ самого Мухаммеда. Когда-же не стало Му-

хаммеда, пророческій авторитетъ его всецѣло былъ перенесенъ на коранъ; живое слово пророка, говорившаго по внушенію Божію, теперь, по необходимости, должно было замѣниться мертвымъ его словомъ—книгою.

Но книги этой, строго говоря, не существовало. Мухаммедъ, при своей жизни, не заботился о томъ, чтобы оставить своимъ послѣдователямъ *писанный* законъ, въ которомъ-бы каждый вѣрующій могъ находить отвѣтъ на всѣ случаи своей религіозной и общественной жизни. Тѣмъ болѣе не могло быть и рѣчи о какомъ-нибудь систематично-расположенномъ законодательномъ кодексѣ. Если въ настоящее время коранъ съ большимъ насиліемъ для его смысла поддается системѣ, то что могъ сдѣлать съ нимъ самъ Мухаммедъ, у котораго, безъ сомнѣнія, не хватило-бы ни терпѣнія, ни умѣнья придать своимъ разновременнымъ и разнохарактернымъ рѣчамъ видъ болѣе или менѣе стройно расположенной системы. Выдавая себя за посланника Божія, находившагося подъ постояннымъ вліяніемъ ангела Гавриила, Мухаммедъ естественно мало обращалъ вниманія на то, что онъ уже сказалъ. Въ каждый новый день и часъ Мухаммедъ могъ издать новое повелѣніе, или новое запрещеніе. Извѣстно также, что Мухаммедъ не придавалъ особеннаго значенія выраженіямъ корана; онъ больше смотрѣлъ на смыслъ, а не

на букву корана. Да и самый смысл корана повидимому не много озабочивалъ его автора. Мухаммеду, еще при жизни его, указывали на разныя противорѣчія въ коранѣ, которыя онъ счелъ нужнымъ оговорить.

Нельзя сказать, въ какихъ видахъ Мухаммедъ держалъ при себѣ писцовъ, которые записывали обнаруживаемые имъ стихи корана; но несомнѣнно, что если при жизни Мухаммеда и существовали списки отдѣльных частей корана, то на нихъ мало обращали вниманія, вслѣдствіе чего они не представляли собою чего нибудь цѣлаго и потому весьма легко могли подвергнуться совершенному уничтоженію. „По смерти Мухаммеда, говоритъ Нольдеке, не многого не доставало для того, чтобы коранъ, будучи совершенно разсѣянъ, уничтожился или былъ забытъ. Только стараніями первыхъ трехъ халифовъ устранено было это несчастіе, угрожавшее всему исламу“ (1). Сознаніе этого угрожавшаго исламу несчастія и послужило поводомъ къ собранію всѣхъ отрывковъ корана въ одно цѣлое и имѣло своимъ результатомъ сохраненіе корана отъ конечной гибели и передачу его позднѣйшимъ поколѣніямъ, изъ рукъ которыхъ познакомились съ кораномъ и европейцы. Но какъ происходило это собраніе корана, изложить подробно

(1) Geshichte des Qorans, s. 189.

и болѣе или менѣе рѣшительно—трудно. Даже знатоки мухаммеданской древности въ исторіи редакціи корана находятъ немного несомнѣнно - достовѣрныхъ показаній. Сами мусульмане не задавались цѣлью представить исторію корана по смерти Мухаммеда, и мухаммеданскія преданія — единственный матеріалъ на основаніи котораго можетъ быть составлена эта исторія—представляютъ собою такой хаосъ, въ которомъ не трудно совершенно запутаться даже очень самостоятельному знатоку мусульманской древности. Самый текстъ корана содержитъ въ себѣ очень мало данныхъ для изслѣдованія его прошедшей судьбы, особенно потому, что онъ существуетъ въ очень ограниченномъ числѣ вариантовъ. Поэтому и неудивительно, если въ европейской литературѣ гораздо менѣе разработана исторія корана, тогда какъ напримѣръ жизнь Мухаммеда съ давнихъ поръ и до настоящаго времени продолжаетъ служить предметомъ очень обширныхъ ученыхъ работъ.

Вейль думаетъ объяснить безпечность Мухаммеда относительно текста корана сознаниемъ его автора, что объявленные имъ по случайнымъ обстоятельствамъ жизни стихи не заслуживали вниманія и что, въ виду противорѣчій ихъ смысла, Мухаммедъ боялся передать своимъ послѣдователямъ ученіе корана, какъ нѣчто неизмѣнное, а хотѣлъ

имѣть до смерти полную свободу въ измѣненіи, дополненіи и отмѣненіи разныхъ пунктовъ обнародованнаго уже ученія. Слѣдующее преданіе доказываетъ важность для Мухаммеда такой свободы. Когда явился стихъ: „ужели тѣ, которые остались дома, равны (предъ Богомъ) тѣмъ, которые сражаются за свою вѣру?“ (1), Абдъ-Аллахъ-ибнъ-Джахшъ и Ибнъ-уммъ-Мактумъ сказали Мухаммеду: „мы слѣпы, ужели нѣтъ для насъ никакого исключенія?“ Богъ тотчасъ открылъ: „исключая тѣхъ, которые одержимы какими-либо тѣлесными недостатками“. Мухаммедъ приказываетъ послѣ того принести кость, на которой написанъ былъ тотъ стихъ, и приказалъ присовокупить эти слова своему секретарю Зяйду-ибнъ-Тсабиту. „И я, — рассказывалъ послѣ Зяйдъ, какъ будто-бы еще вижу это мѣсто около трещины, на кости (2)“. Другое преданіе (3), по которому Абдъ-Аллахъ-ибнъ-Масгудъ, одинъ изъ подвижниковъ Мухаммеда, замѣтилъ вечеромъ одинъ стихъ, коего онъ на слѣдующее утро не находилъ болѣе и о которомъ Мухаммедъ сказалъ: „онъ опять взятъ обратно на небо“ другими словами — ночью былъ имъ уничтоженъ, — показываетъ, что если новый стихъ

(1) Гл. 4, ст. 97.

(2) Mem. de l'academ. des inscript. de Paris, t. 2 p. 308.

(3) Leben Mohammeds von G. Weil, s. 383.

былъ въ противорѣчїи съ прежнимъ, Мухаммедъ не довольствовался тѣмъ, чтобы объявить его недѣйствительнымъ, но уничтожалъ его, если это было еще въ его власти. Равнымъ образомъ еще одно древнее, неоспоримое преданіе и самый коранъ (1) подтверждаютъ, что если отмѣненные стихи уже были заучены наизусть, то они опять должны быть забыты. Мы не думаемъ поэтому заходить слишкомъ далеко, если утверждаемъ, что по намѣренію Мухаммеда, коранъ не долженъ содержать въ себѣ даже никакого отмѣненнаго мѣста и что Абу-Бекръ поступилъ противъ воли Мухаммеда, когда онъ принялъ въ коранъ такіе стихи, которые, не смотря на то, были записаны, или остались въ памяти какого-либо мусульманина. Самъ еще Мухаммедъ доказывалъ божественность корана, между прочимъ, также тѣмъ, что онъ свободенъ отъ противорѣчій (2).

Желая оправдать въ этомъ основателя ислама, Вейль готовъ приписать замѣчаемые въ современномъ коранѣ недостатки не од-

(1) Гл. 2, ст. 107, гдѣ по лучшему, приведенному Джалалейномъ, тексту говорится: „мы не отмѣняемъ никакого стиха или не приводимъ въ забвеніе, не замѣнивши его лучшимъ или подобнымъ“. *Leben Mohammeds.*

(2) Историко-критическое введеніе въ коранъ, перев. съ нѣмецкаго Е. Малова. Казань. 1875, стр. 184—185.

ному Мухаммеду, но и Абу-Бекру и Осману какъ редакторамъ текста корана. Когда, въ войнѣ съ Мусейламой, умерли многіе чтецы корана, заучившіе текстъ наизусть еще при жизни Мухаммеда, то Абу-Бекръ, сдѣлавшійся въ то время преемникомъ власти послѣдняго, какъ первый халифъ его, издалъ приказаніе въ 634 году собрать всѣ находившіеся у мусульманъ отрывки корана, написанные на пергаментѣ, пальмовыхъ листьяхъ, камняхъ и другихъ грубыхъ письменныхъ матеріалахъ и приказалъ списывать все безъ всякой критики. Но Абу-Бекръ не могъ установить единства въ чтеніи корана: въ разныхъ мусульманскихъ странахъ и городахъ употреблялись различные списки корана. Халифъ Османъ увидѣлъ, что послѣдствіемъ разныхъ чтеній можетъ быть разединеніе мусульманъ и потому приказалъ приготовить, на основаніи хранившихся у жен Мухаммеда Хавсы списковъ мухаммедовъ времени, новые полные списки корана, а все бывшіе до этого времени въ употребленіи списки—уничтожить, сжечь. Такимъ распоряженіемъ Османъ способствовалъ единство текста корана, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени повредилъ критикѣ корана. Османъ заботился объ установленіи текста священной книги своихъ единовѣрцевъ и, с точки зрѣнія внутренней политики, распоряженіе его не можетъ подлежать осужденію.

потому что по смерти этого халифа, какъ принято думать, въ текстѣ корана не происходило уже никакихъ существенныхъ перемѣнъ, а тѣмъ болѣе какихъ-либо прибавокъ или сокращеній. „Непонятнымъ остается все-таки, говоритъ Вейль, почему Османъ, хотя менѣе стѣснительно и добросовѣстно, нежели Абу-Бекръ, поступившій при редакціи корана, не опустилъ однако-же ни одной части законовъ, повторяющихся иногда въ однихъ и тѣхъ-же словахъ, догматовъ и легендъ, которые хотя многократно были предложены Мухаммедомъ, но непременно могли быть открыты собственно только однажды, — и почему онъ ничего не сдѣлалъ для восстановленія систематическаго или хронологическаго порядка въ расположеніи главъ и стиховъ. Господствующій въ нашемъ коранѣ безпорядокъ приводитъ въ отчаяніе не только европейскаго ученаго, хотя-бы онъ и былъ совершенно знакомъ съ жизнью Мухаммеда, но и самые способнѣйшіе мусульманскіе толкователи спорятъ между собою объ отдѣльномъ стихѣ такъ же, какъ о цѣлой главѣ, и не всегда могутъ рѣшить: по какому поводу она явилась и въ Меккѣ-ли, или сперва въ Мединѣ послѣ бѣгства туда Мухаммеда. Но даже и тамъ, гдѣ они съ опредѣленностію указываютъ на время и поводъ открытія стиха, они не всегда достоверны, потому что слѣдуютъ болѣе мертвой

буквѣ часто ложнаго преданія, нежели самостоятельному, оживляющему критическому духу. Что раздѣленіе корана на сорок и четыре главы, какъ мы ихъ имѣемъ теперь передъ собою, происходитъ не отъ Мухаммеда, какъ думаютъ мусульмане, это мы уже доказали въ другомъ мѣстѣ ⁽¹⁾, хотя нельзя отрицать того, что Мухаммедъ, по крайней мѣрѣ, часть корана открылъ въ известныхъ отдѣленіяхъ, которыя онъ назвалъ главами. Тѣ, которые изучали коранъ наизусть, могли, при легкой своей памяти, придать каждому отдѣлу собственное названіе. Но большая часть многихъ, особенно древнѣйшихъ главъ, кажется, затерялись или намѣренно уничтожены, такъ что остались отъ того только еще одни названія ихъ и немногіе стихи, между тѣмъ какъ въ позднѣйшихъ большихъ главахъ были собраны многія такія части, которыя даже не совмѣстимы между собою ⁽²⁾.

Такимъ образомъ коранъ въ настоящемъ его видѣ представляетъ во многихъ мѣстахъ совершенный хаосъ, какимъ могли удовлетвориться и удовлетворяются только мусульмане по чувству благоговѣнія къ своей священной книгѣ, языка которой огромное боль-

⁽¹⁾ См. *Leben Mohammeds*, ss. 361—362.

⁽²⁾ Историко-критическое введеніе въ коранъ, стр. 190—191.

шинство ихъ не понимаетъ. Полнѣйшій безпорядокъ въ расположеніи отдѣльныхъ частей корана во многихъ мѣстахъ безнадежно затрудняетъ не только мусульманскихъ ученыхъ, но и знаменитыхъ европейскихъ критиковъ. Русскій читатель текста корана въ переводѣ сразу чувствуетъ скуку при чтеніи длинныхъ главъ этой книги. Почтенный русскій переводчикъ корана, г. Саблуковъ облегчилъ въ своемъ изданіи чтеніе корана между прочимъ тѣмъ, что отдѣлилъ новой строкой отрывки разнаго содержанія, которые, безъ сомнѣнія, и при своемъ появленіи не имѣли между собою ничего общаго. Новѣйшіе европейскіе критики текста корана: Вейль, Шпренгеръ, Амари и Нёльдеке сьумѣли многое разъяснить въ этой безпорядочно собранной книгѣ; въ отношеніи большей части главъ и стиховъ ея они сьумѣли указать время, мѣсто и причину происхожденія, но и за всѣмъ этимъ коранъ остается для насъ „*книгой съ семью печатями*“, какъ отзывается о коранѣ Шпренгеръ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ объяснить тѣ многочисленныя противорѣчія въ ученіи корана, которыхъ сами мусульмане насчитываютъ до 225 и по отношенію къ которымъ остается безсильною „*теорія отмѣненія*“, дающая возможность одни стихи корана позднѣйшаго происхожденія, считать отмѣняю-

щими стихи болѣе ранняго происхожденія, какъ сказано объ этомъ въ коранѣ: „когда Мы (Богъ) отмѣняемъ какой-либо стихъ или повелѣваемъ забыть его, тогда Мы даемъ другой, лучший того или равный ему“ (1).

Теорія эта конечно несостоятельна въ предложеніи къ книгѣ божественнаго происхожденія, имѣющей цѣлю установить новый религіозный и гражданскій законъ для арабовъ на всѣ послѣдующія времена и понятно, почему еще современники Мухаммеда говорили ему: „самъ это ты выдумываешь“ (2), когда онъ объявлялъ объ отмѣненіи одного стиха другимъ. А тѣмъ болѣе эта теорія бессильна въ отношеніи тѣхъ мѣстъ корана, которыя при жизни Мухаммеда отмѣненными не считались и въ послѣдующей исторіи ислама имѣли полное значеніе, а въ настоящее время оказываются во многихъ случаяхъ неприложимыми къ жизни. Таковы, напр. всѣ мѣста корана, направленные противъ иновѣрцевъ вообще и противъ іудеевъ и христіанъ въ частности и другія, о которыхъ упомянутый Девлетъ-Кильдѣевъ въ своей брошюрѣ тщательно умалчиваетъ. А мѣста эти весьма важны не только вообще, какъ характеризующіе ученіе корана, но и особенно потому, что на жизнь

(1) Коранъ, гл. 2, ст. 100.

(2) Коранъ, гл. 16, ст. 103.

мусульманъ они часто имѣли и имѣютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ противоположенные имъ. Таковы напр. стихи корана о свободной волѣ челоуѣка и о предопредѣленіи.

Языкъ корана.

Современный англійскій философъ А. Бенъ, въ почтенномъ педагогическомъ трудѣ своемъ, „*Воспитаніе, какъ предметъ науки*“, замѣчаетъ: „Безъ извѣстнаго склада выраженій, хорошо направленнаго къ цѣли, никто не можетъ надѣяться произвести простымъ внушеніемъ глубокія, нравственныя впечатлѣнія, почему остается весьма мало надежды на успѣхъ въ этомъ отношеніи зауряднаго учителя. Только запасшись хорошими и пригодными статьями, которыми-бы онъ могъ воспользоваться въ своихъ бесѣдахъ, можетъ онъ оказывать вліяніе выше дѣйствія обычныхъ, ходячихъ въ обществѣ, нравственныхъ изрѣченій“ (1). Это чисто психологическое замѣчаніе очень хорошо доказано въ исторіи примѣрами знаменитыхъ ораторовъ и проповѣдниковъ. Совершенства языка оратора, проповѣдника всегда производятъ сильное вліяніе на слушателей, которыхъ очень легко оратору расположить въ

(1) *Воспитаніе, какъ предметъ науки*. Переводъ съ англійскаго Ф. Резенера. Сиб. 1879, стр. 347.

свою пользу красивою и остроумною фразой. И Мухаммедъ въ своей дѣятельности былъ очень много обязанъ языку, какимъ онъ излагалъ свои поученія. Языкъ корана, особенно первыхъ, по времени появленія, отрывковъ его, отличается неоспоримыми литературно-поэтическими достоинствами. Мухаммедъ сознавалъ это и часто указывалъ на совершенство своей рѣчи, какъ на доказательство божественнаго происхожденія корана. Когда враги Мухаммеда высказывали сомнѣнiе въ божественномъ посланничествѣ его, какъ пророка, онъ говорилъ: „если люди и гении соберутся для того, чтобы произвести что нибудь подобное сему корану, то не произведутъ ничего подобнаго ему, хотя-бы они одни другимъ были помощниками (¹). „Этотъ коранъ не могъ быть выдуманъ никѣмъ, кромѣ Бога... Не скажутъ-ли, что онъ (Мухаммедъ) выдумалъ его? Скажи: представьте какую-либо статью, подобную ему; призовите на помощь всякаго, кто можетъ пособить въ этомъ, кромѣ Бога“ (²). Послѣдователи Мухаммеда еще настойчивѣе стали послѣ этого утверждать, что въ отношеніи языка коранъ есть нечеловѣческое произведение и что передать содержаніе его на другомъ языкѣ невозможно, безъ ущерба божественнымъ

(¹) Коранъ, гл. 17, ст. 90.

(²) Коранъ, гл. 10, ст. 38—39.

достоинствамъ этой книги (1). Европейцу трудно составить точное представленіе о языкѣ корана не только потому, что языкъ корана — чуждый для европейца языкъ, но и потому что въ разныхъ мѣстахъ корана языкъ его и стиль не одинаковы. Кромѣ того, европейскіе писатели, говоря о языкѣ корана, находятся обыкновенно подъ вліяніемъ мусульманскаго взгляда и, подобно Гете, знаютъ только вообще, что языкъ корана величественъ, строгъ, грозенъ, а мѣстами истинно возвышенъ.

Языкъ, на которомъ написанъ коранъ, принадлежитъ къ семейству семитическихъ языковъ и составляетъ самостоятельную вѣтвь этого семейства, извѣстную подъ именемъ *арабской*. Мухаммедъ говорилъ на нарѣчій корейшитовъ (меккскіе аристократы), всегда употреблялъ чистѣйшія арабскія формы и коранъ былъ поэтому совершенно понятенъ соотечественникамъ реформатора арабскаго. Въ самомъ коранѣ есть прямыя указанія на

(1) Извѣстный англійскій путешественникъ по мусульманской Азіи, А. Борнсъ, говоря однажды съ узбеками о коранѣ и его содержаніи, сказалъ, что читалъ эту книгу только въ переводѣ. „Неразумный же ты человекъ, замѣтили ему узбеки; возможно-ли перевести эту священную книгу на какойнибудь сторонній языкъ, когда въ ней каждая буква каждаго слова имѣетъ свой собственный смыслъ, понятный только въ подлинникѣ“. Путешествіе въ Бухару. ч. III, Москва. 1850, стр. 103.

то, что онъ написанъ на чистомъ арабскомъ языкѣ (¹). Рѣчь корана прозаическая, отрывистая и рифмованная (²), причемъ рифмуются иногда два стиха, стоящіе рядомъ, иногда черезъ стихъ. По свойству арабскаго языка, въ коранѣ часто встрѣчаются недомолвки, совершенно впрочемъ понятныя арабамъ (³). Въ отношеніи языка, коранъ имѣетъ также сходство съ нашими священными книгами, особенно съ тѣми, которыя написаны рифмованнымъ языкомъ, каковы: псалмы, пѣсни пѣсней.

Выше было сказано, что характеръ Мухаммеда, автора корана, во вторую половину его жизни значительно измѣнился къ худшему. Эта переменна въ характерѣ Мухаммеда существенно отразилась и на языкѣ корана. Въ началѣ своей проповѣднической дѣятельности, въ Меккѣ, Мухаммедъ

(¹) Коранъ, 14 гл., 4 ст.; гл. 16, ст. 105; гл. 26, ст. 195 и др. См. Приложенія къ переводу корана г. Саблукова, вып. I, стр. 118 и 13.

(²) Напр. „Клянусь ночью, когда она темнѣет; клянусь днемъ, когда онъ свѣтлѣетъ.“

(³) Напр. „стоящіе на правой сторонѣ... Кто они, стоящіе на правой сторонѣ?... Стоящіе на лѣвой сторонѣ... Кто они, стоящіе на лѣвой сторонѣ? Или: „повинуйтесь Богу, повинуйтесь посланнику: если-же вы обратитесь отъ него... (гл. 64, ст. 12). Или: „и вотъ, они уже въ неусыпающемъ“, т. е. огнѣ (гл. 79, ст. 14).

былъ дѣйствительно пылкимъ проповѣдникомъ новой религіи и рѣчи его дышали энтузіазмомъ, отличались красотой языка и убѣдительностію. Послѣднее отчасти доказывается успѣхомъ мухаммедовой проповѣди. Въ Мединѣ стиль корана значительно измѣнился, потому что Мухаммедъ, во вторую половину своей жизни, былъ болѣе правителемъ, нежели проповѣдникомъ. Вотъ, что говорить о стихѣ корана Д'Аврийль: „быстрота мысли, живость образовъ, энергія рѣчи и новизна замѣняли для вѣрующихъ въ его прозѣ все остальное: сердце увлекалось, хотя умъ и оставался необуѣжденнымъ. Мы должны думать, что никто не производилъ такого громаднаго вліянія на слушателей, и это очарованіе краснорѣчіемъ составляетъ отличительную черту фізіономіи Мухаммеда предъ прочими основателями религіи. Для корана составляетъ величайшую выгоду то обстоятельство, что онъ остается прекраснѣйшимъ памятникомъ языка, на которомъ онъ написанъ, и во всей религіозной исторіи человѣчества я не нахожу ничего подобнаго этому. Мы можемъ понимать красоту псалмовъ Давида и гимновъ Ведъ, какъ понимаемъ и красоту корана въ переводахъ. Но Давидъ и его псалмы не создали кодекса для іудейской націи; точно также и Веды не были кодексомъ для индійцевъ. Коранъ имѣетъ сложный характеръ: въ одно и тоже вре-

мя онъ—гимнъ, псаломъ, молитва, колексъ, рѣчь, бюллетень, политика и исторія“ (1). Слѣдовало-бы прибавить: и приказы по войскамъ.

Приведенный отзывъ французскаго ученаго страдаетъ преувеличеніемъ. Не только многіе европейскіе, но и нѣкоторые арабскіе писатели утверждали, въ свою очередь, что коранъ не есть неподражаемое, въ отношеніи стиля, произведеніе. Докторъ Лей говоритъ: „кто можетъ читать „Макаматы“ Хамадани и „Макаматы“ Харири, тотъ не станетъ сомнѣваться, что коранъ можно превзойти. Аль-Кинди замѣчаетъ даже, что въ коранѣ нѣтъ стиля и изящества и что сочиненія Аль-Кайса и другихъ поэтовъ Аравіи ясны, краснорѣчивы, изящны и возвышеннѣе корана. Ихъ рѣчь глубже и глаже, и съ ними спорилъ Мухаммедъ, когда они спрашивали его о его правахъ и отвергали его притязанія.... Тоже говорятъ: Измаиль-бенъ-Али, Аль-Нудзамъ и другіе. (2).

Съ другой стороны, мы должны указать здѣсь и на то, что языкъ христіанскихъ священныхъ книгъ имѣетъ гораздо болѣе до-

(1) L'Arabie contemporaine, par A. d'Avril. Paris, 1868, pag. 109.

(2) См. Islam, its History, Character and Relation to Christianity, by John Muchleisen Arnold. London, 1874, chap. X. Русскій переводъ этой главы см. въ Правосл. Собесѣдникѣ за 1875 г.

стоинствѣ, чѣмъ языкъ корана. Не говоря уже о томъ, что въ Библии и Евангеліи нигдѣ языкъ не занимаетъ перваго мѣста, сравнительно съ содержаніемъ, какъ это, на оборотъ, замѣтно во многихъ мѣстахъ корана; въ пророческихъ книгахъ, въ псалмахъ Давида, въ Пѣсни Пѣсней, книгѣ Іова и др. слогъ гораздо возвышеннѣе, изящнѣе и солиднѣе слога корана. Укажемъ для образца на 40-ю главу книги пророка Исаи, на псаломъ 109-й, на 30-ю главу книги Притчей, на 9-ю главу книги Іова и на 12 главу книги Бытія. По нашему мнѣнію, подобныя мѣста и сравнивать вельзя съ кораномъ, — такъ они возвышены и глубоки по мысли и изящны по слогу! Такое мнѣніе наше подтверждается слѣдующимъ авторитетнымъ отзывомъ Вейса:

„Во всемъ теченіи своемъ исторія міра не представляетъ намъ другаго образца, не говорю такой, но даже хотъ сколько-нибудь подходящей стилистической отчеканки изустныхъ и притомъ всегда мгновенно импровизированныхъ кратчайшихъ рѣчей, — по крайней мѣрѣ на столько прочной отчеканки, которая имѣла бы силу сохранить свою особенность даже въ письменномъ преданіи, прошедшемъ сквозь цѣлый рядъ свидѣтельствъ, и сохраниться въ такой полнотѣ, что даже и на позднѣйшихъ читателей она производитъ ни мало не ослабленное еще впе-

чатлѣвнѣе первобытной своеобразности. Клас- сическая древность дала намъ превосходные обра- щики живаго изложенія чужихъ мысле- въ рѣчахъ, которыя ея историки и филосо- фы влагаютъ въ уста изображаемыхъ ими личностей. Но кто-же однако рѣшится рас- познать стилистическую фізіономію какого-нибудь Перикла или Алкивіада, какого-ни- будь Никія или Врасида изъ рѣчей ихъ у Фукидида, въ той-же мѣрѣ, въ какой онъ распознаетъ фізіономію божественнаго Учи- теля изъ Иисусовыхъ рѣчей, переданныхъ си- ноптиками? Никто не отважился бы на нѣ- то подобное даже относительно застольныхъ бесѣдъ Лютера, или записанныхъ Эккерма- номъ разговоровъ Гёте, не имѣй онъ при этомъ въ существенную помощь собствен- ныхъ сочиненій обоихъ великихъ людей, хо- тя, конечно, случаи эти болѣе близки къ при- веденному нами прежде единственному при- мѣру, благодаря могучей своеобразности, такъ ярко выступающей у того и у другаго даже и въ устной бесѣдѣ. Величіе и сила рѣчи Христа составляетъ то, что она про- изводитъ на слушателей неодолимое впечат- лѣніе, что своими изощренными иглами, своими поражающими образами она такъ в- влывается въ память, обезпечивая себѣ этимъ съ полной самоувѣренностью надежный кругъ дѣйствія на цѣлыя вѣка, на цѣлыя тысяче- лѣтія, такъ что настоящее и полное уразу-

мѣніе ея собственно никогда не опоздаетъ, прійди оно хоть по прошествіи вѣковъ и тысячелѣтій“ (1).

Иисусъ Христосъ много разъ говорилъ въ притчахъ, объяснялъ примѣрами изъ явленій природы и событій человѣческой жизни нравственныя истины, такъ что тихій, спокойный тонъ Евангелія радуетъ слушателя и заставляетъ его невольно задуматься. Краткія рѣчи Его въ высшей степени не только поучительны, но и остроумны. Особенная же отличительная черта евангельскаго разказа состоитъ въ томъ, что каждое слово его всецѣло проникнуто однимъ духомъ, а всѣ вмѣстѣ составляютъ необыкновенную гармонію. Все это — и непостижимую красоту евангельскаго слова и его неоспоримое вліяніе на душу человѣка, прекрасно выражены въ краткомъ изрѣченіи апостола Павла: „ибо слово Божіе живо и дѣйствительно; и острѣ всякаго меча обоюду остраго; оно проникаетъ до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ, и судитъ помышленія и намѣренія сердечныя“ (2). Смѣлость оборота здѣсь отвѣчаетъ вполне новости мысли и выражается въ такой формѣ, какая возможна бываетъ только при рифмѣ или рифмованномъ

(1) Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человечества. Соч. М. Карьера. Переводъ Е. Корша, Москва, 1874 г. т. III, стр. 32.

(2) Посл. къ евреямъ, гл. 4, ст. 12.

складѣ рѣчи. Коранъ существенно отличается отъ Евангелія уже потому, что въ послѣднемъ мысль и чувство были на первомъ планѣ и находили соотвѣтствующее выраженіе въ словѣ; а въ коранѣ слово занимаетъ первое мѣсто, а мысли—второстепенное. Кроме того, во многихъ мѣстахъ коранъ только подражаетъ Евангелію и Библии.

Наконецъ мы приведемъ здѣсь краткій отзывъ Дрэпера о литературныхъ достоинствахъ корана:

„Что касается литературнаго выполненія этой книги, говоритъ онъ, то объ этомъ быть можетъ, едва-ли можно судить, какъ слѣдуетъ, по переводамъ. Какъ говорятъ, коранъ есть древнѣйшее прозаическое сочиненіе у арабовъ, которые почти единогласно поддерживаютъ хвастовство Мухаммеда о недостижимомъ превосходствѣ этого произведенія; но нельзя скрыть, что между ними были весьма ученые люди, которые судили о коранѣ довольно легко. Наиболѣе знаменитыя мѣста его, какъ напр. о свойствахъ Бога, въ главахъ II, XXIV, не выдерживаютъ никакого сравненія съ параллельными мѣстами въ псалмахъ и въ книгѣ Іова. Въ повѣствовательномъ стилѣ, исторія Іосифа, въ главѣ XII, сравнительно съ тѣмъ-же разказомъ въ книгѣ Бытія, также стоитъ гораздо ниже. Мухаммедъ прикрашиваетъ также свое произведеніе многими христіанскими леген-

дами, заимствованными вѣроятно изъ апокрифическаго евангелія Варнавы; ко многимъ изъ своихъ собственныхъ изобрѣтеній онъ примѣшиваетъ рассказъ Св. Писанія объ искушеніи Адама, о потопѣ, объ Ионѣ и китѣ, обогащая наконецъ все это исторіями въ родѣ позднѣйшей тысячи и одной ночи, исторіи о Гогѣ и Магогѣ, и всякихъ рассказовъ о духахъ, волшебствѣ и чарованіяхъ“ (1).

Уваженіе мухаммеданъ къ корану и употребленіе его.

Считая коранъ словомъ Божиимъ, высшимъ изъ всѣхъ, прежде бывшихъ богооткровенныхъ писаній, мусульмане простираютъ свое благоговѣніе къ этой книгѣ до почитанія ея вѣщности. Обыкновенно они сохраняютъ коранъ въ особыхъ, иногда богато-украшенныхъ футлярахъ, и въ крайнихъ случаяхъ — въ холщевой алачевой или ситцевой оберткѣ. Намѣреваясь взять въ руки эту книгу, они очищаютъ себя совершеніемъ религиознаго обряда малаго омовенія (*вузу*). Чтобы постоянно имѣть въ виду такую почтительность къ корану, мусульмане надписываютъ на его верхнемъ листѣ или на футлярѣ слова корана же: „къ нему прикасаются только

(1) Исторія умственнаго развитія Европы. Соч. Джона Вильяма Дрэнера, С.-Петербургъ, 1873 г. Т. 1, ст. 181.

чистые“ (1). Во время чтенія корана, мусульмане считаютъ грѣхомъ и оскорбленіемъ святыни этой книги держать ее ниже середины живота (2).

Когда мусульманинъ, читающій коранъ, доходитъ до такого мѣста, гдѣ говорится о поклоненіи Богу, то читаетъ помѣщаемую въ концѣ корана молитву, сопровождая ее земнымъ поклономъ и предваряя произнесеніемъ особой молитвенной формулы, выражающей намѣреніе совершить этотъ поклонъ, обратившись лицомъ къ каабѣ. На поляхъ корана противъ такихъ мѣстъ показывается степень обязательности поклона.

Мусульмане клянутся кораномъ, а болѣе фанатичные изъ нихъ не терпятъ, чтобы онъ былъ въ рукахъ иновѣрцевъ. Казанскіе татары свою нетерпимость въ этомъ отношеніи, иногда доводили до того, что не продавали русскимъ корана, но такъ какъ имъ невозможно было лишить русскихъ всякой возможности достать коранъ, то они утѣшались самою мыслью, что всякій не-мусульманинъ, читающій коранъ, неизбѣжно обратится временемъ къ исламу: „всякая душа по природѣ—мусульманка-де“.

Не имѣя права дѣлать изображенія живыхъ существъ, мусульмане пишутъ на об-

(1) Гл. 56, ст. 78.

(2) Ср. Отеческое завѣщаніе Посошкова въ Русскомъ Вѣстникѣ, ст. проф. Брикнера.

ращенныхъ къ каабѣ стѣнахъ своихъ ком-
натъ, а также на книжкахъ, знаменахъ и
надгробныхъ памятникахъ краткія изреченія
корана. Въ Самаркандѣ отъ времени мусуль-
манскаго правленія уцѣлѣло одно знамя, на-
писанное на бѣлой бумажной ткани, (рус-
скій миткаль) и хранящееся въ настоящее
время въ кладовой при церкви г. Самаркан-
да. Судья самаркандскій (онъ-же и церков-
ный староста), уже упомянутый нами И. М.
Оранскій сообщилъ намъ точный списокъ и
описаніе размѣровъ этого интереснаго остат-
ка мусульманскаго владычества въ Самар-
кандѣ. Матерія, служащая знаменемъ, имѣ-
етъ въ длину 1 арш. $7\frac{1}{2}$ верш. и въ ши-
рину 1 ар. 3 верш. Вся эта матерія испи-
сана текстами корана, причемъ буквы имѣ-
ютъ $1\frac{1}{2}$ верш. высоты. Всѣхъ строкъ на
знамени *десять*; каждая строка отдѣлена отъ
слѣдующей черною чертою. На этихъ стро-
кахъ написаны слѣдующія слова корана:

„Ужели ты не обращалъ вниманія на ста-
рѣйшинъ у сыновъ израилевыхъ послѣ Мои-
сея, когда они сказали пророку своему: „дай
намъ царя, и мы будемъ сражаться на пути
Божіемъ!“ Онъ сказалъ: „не можетъ-ли слу-
читься, что вы, когда предписана будетъ
война, не будете воевать?“ Они сказали:
„почему-же не воевать намъ на пути Бо-
жіемъ, когда мы и дѣти наши изгнаны изъ
жилищъ нашихъ? Но когда было повелѣніе

имъ идти на войну, они отказались, кроме немногихъ изъ нихъ. Богъ знаетъ законопреступниковъ“ (1). „Богъ слышалъ слова тѣхъ, которые говорили: „Богъ бѣденъ, а мы богаты!“ Мы запишемъ и эти слова ихъ и также избіеніе ими пророковъ неповинно. Мы скажемъ: вкушайте жгучую муку“ (2). „Не видѣлъ-ли ты, что изъ тѣхъ, которымъ было сказано: „остановите руки свои, совершайте молитву, давайте очистительную милостыню (закятъ), а потомъ предписано было воевать, — нѣкоторые, боясь этихъ людей такою-же боязнію, какою боятся Бога или еще большею, сказали: Господи нашъ! для чего Ты предписываешь войну? Что Тебѣ не дать-бы намъ отсрочки до близкаго уже предѣла нашей жизни? Скажи: удовольствія здѣшней жизни малы: но будущая жизнь лучше для тѣхъ, кто благочестивъ: тамъ вы не будете обижены и на толщину плевы на финиковой косточкѣ“ (3). „Прочитай имъ повѣсть съ вѣрностію о двухъ сынахъ Адама: оба они принесли по жертвѣ; но отъ одного изъ нихъ она была принята, а отъ другого не была принята. Онъ (Каинъ) сказалъ: я убью тебя! А онъ (Авель) сказалъ Богъ принимаетъ только отъ благочести-

(1) Коранъ, гл. 2, ст. 247.

(2) Коранъ, гл. 3, ст. 177.

(3) Коранъ, гл. 4, ст. 79.

выхъ“ (1). „Помощь Божія, близкая побѣда!“ (2). „Къ Богу возвратятся всѣ существа“ (3). Затѣмъ на знамени изображено изрѣченіе Мухаммеда: „нѣтъ молодца, кромѣ Алія; нѣтъ меча, кромѣ зуль - фукара“. Вокругъ приведенныхъ изрѣченій, окаймленныхъ черными линіями, на трехъ сторонахъ написаны слова корана: „Истинно, Мы помогли тебѣ побѣдить вѣрною побѣдою, для того, чтобы Богъ простилъ тебѣ прежніе и послѣдующіе грѣхи твои, выполнилъ надъ тобою любовь свою и велъ тебя по прямому пути“ (4). На четвертой сторонѣ прибавлено: „и чтобы Богъ помогъ тебѣ крѣпкою помощію“ (5).

На надгробныхъ камняхъ мусульманскаго кладбища г. Касимова, относящихся къ XVII вѣку, мы видѣли слѣдующіе тексты корана: „Дѣйствительно, Іисусъ предъ Богомъ подобенъ Адаму, котораго Онъ сотворилъ изъ земли и сказалъ къ нему: будь и онъ получилъ бытіе“ (6). „....Ни одна душа не знаетъ, въ какой землѣ умретъ она“ (7). „Все, что на ней (на землѣ) исчезнетъ; пре-

(1) Коранъ, гл. 5, ст. 30.

(2) Коранъ, гл. 61, ст. 13.

(3) Коранъ, гл. 42, ст. 53.

(4) Коранъ, гл. 48, ст. 1—2.

(5) Коранъ, гл. 48, ст. 3.

(6) Коранъ, гл. 3, ст. 52.

(7) Коранъ, гл. 31, ст. 34.

будеть вѣчно только лице Господа вашего, Владыки славы и величія“ (1), и др.

Въ качествѣ талисмановъ (*тумарь*) мусульмане выписываютъ изъ корана отдѣльныя мѣста, преимущественно изъ главъ 113, 114, 36 и др. и носятъ ихъ на шеѣ въ особыхъ сумочкахъ, имѣющихъ форму круглаго свертка, или трехугольнаго мѣшечка. Во время войны вліятельные мусульмане носятъ при себѣ полные списки корана, имѣющіе необыкновенно малые размѣры. Сколько намъ помнится, у персидскаго *шаха Аббаса* былъ для этой цѣли списокъ корана въ 2 вершка, который онъ, во время походовъ, привязывалъ къ своей рукѣ. Въ Туркестанскомъ краѣ нерѣдко можно встрѣтить на шеѣ лошадей и верблюдовъ особыя сумочки, въ которыхъ заключены выписки изъ корана, для предохраненія этихъ животныхъ отъ сглаза, болѣзни и пр.

Нерѣдко коранъ служитъ для суевѣрныхъ мусульманъ орудіемъ ворожбы и гаданій, состоящихъ въ чтеніи случайно открываемыхъ мѣстъ изъ священной книги и объясняемыхъ соответственно предмету гаданія. Въ 28 № Турк. Вѣдомости за 1882 годъ было помѣ-

(1) Гл. 55, ст. 26—27. Всѣ касимовскіе надгробныя памятники подробно описаны въ почтенномъ трудѣ проф. В. В. Вельяминова-Зернова „Исслѣдованіе о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ“ СПб. 1863 г. Ч. I, стр. 502—547.

щено интересное въ данномъ случаѣ сообщеніе муллы Ша о ворожеѣ-сартянкѣ Ходжи-Хатунъ, содержавшей до этого времени въ Ташкентѣ домъ терпимости, въ которомъ она торговала даже честью своихъ снохи и дочери. Она такъ удачно повела свое новое ремесло гаданья по корану, что слава о ней распространилась и среди русскихъ прачекъ, кухарокъ, горничныхъ и даже барынь и молодыхъ дѣвушекъ, влекомыхъ желаніемъ узнать свое будущее или провѣрить прошедшее. Занимаясь своимъ ремесломъ, новачица считала, по словамъ г. Ша, неудачнымъ тотъ день, въ который она не приобрѣтала отъ гадателей 3—4 рубля дохода (1).

При низкомъ уровнѣ развитія, мусульмане часто питаютъ въ своемъ сердцѣ увѣренность въ богоугодности самаго процесса чтенія корана. Еще А. Борнсъ, въ описаніи своего путешествія по Персіи, замѣтилъ, что большая часть муллъ этой страны принадлежитъ къ самому грубому классу народа; они нисколько не скрываютъ своего невѣжества и оправдываются только тѣмъ, что уже одно чтеніе корана, по ихъ мнѣнію, составляетъ занятіе высокое, извиняющее имъ самыя тяжкія прегрѣшенія“ (2).

(1) Стр. III, столб. 3—4; Срав. Древняя и новая Россія 1878 г. № 7, стр. 180 и слѣд.

(2) Путешествіе въ Бухару. Ч. III, стр. 103—104.

Читающій коранъ мусульманинъ и непонимающій его смысла, обращаетъ строжайшее вниманіе на самый процессъ чтенія своей священной книги. Нарушеніе какого нибудь древняго правила чтенія составляетъ уже грѣхъ. Поэтому, наука правильного и изящнаго чтенія корана (*ильму-т-таджвидъ*) тщательно изучается мусульманами въ школахъ, на ряду съ логикой Аристотеля. Особенно объ этомъ искусствѣ заботятся будущіе имамы мусульманъ, которые тратятъ много времени и труда, приучая свой голосовой аппаратъ къ хорошему, пѣвучему и выразительному произношенію арабскихъ звуковъ корана.

Это, стоящее довольно значительнаго труда, изученіе правилъ чтенія корана, щедро, по вѣрованію мусульманъ, награждается самимъ Богомъ. Знаменитый толковникъ корана, Казы-Бяйзави въ своемъ толкованіи указываетъ число наградъ тому, кто прочтетъ ту или другую главу корана. Въ менѣе значительныхъ мусульманскихъ книгахъ встрѣчаются утомительныя разглагольствія объ огромномъ количествѣ наградъ за прочтеніе даже отдѣльныхъ выраженій корана, если эти выраженія будутъ проговорены въ известное время и известно число разъ.

Для примѣра приведемъ слѣдующія преданія: „сказалъ пророкъ—да благословитъ его Богъ и помилуетъ: „кто желаетъ испол-

ненія своихъ нуждъ, тому нужно читать фатиху“ (1). Еще преданіе: „каждый вѣрующій, если прочитаетъ одинъ разъ фатиху, будетъ подобенъ тому, кто прочитаетъ весь коранъ и подастъ милостыню всѣмъ вѣрующимъ“. „Сказалъ пророкъ—миръ ему: у каждаго предмета есть сердце; сердце корана— глава *Я-Синъ* (2). Кто прочитаетъ главу *Я-Синъ* для полученія благоволенія Бога Всевышняго, того помилуетъ Богъ Всевышній и дастъ ему награду, положенную за прочтеніе всего корана 22 раза“.

Въ Тафсирѣ Маджмау-ль-баянъ говорится: „сказалъ пророкъ—миръ ему: каждый прочитавшій главу *Я-Синъ* получить награду, положенную за 20 хаджей фарзъ. А кто выслушаетъ эту главу отъ другихъ читающихъ ее, тому будетъ награда, положенная за израсходование 1000 динаріевъ въ милостыню на пути Божіемъ. Кто напишетъ *Я-Синъ* на бумагѣ и потомъ выпьетъ съ нея воды, во внутренность того введетъ Богъ Всевышній 1000 лекарствъ, 1000 свѣтовъ, 1000 созерцательныхъ познаній, 1000 благословеній, 1000 милостей и выведетъ изъ него Богъ всевышній всѣ болѣзни. Сказалъ также пророкъ—миръ ему: „кто прочитаетъ главу *Я-Синъ* на могилѣ, въ тотъ день Богъ Все-

(1) Такъ называется первая глава корана.

(2) Такъ называется 36 глава корана.

вышній облегчить наказаніе находящемуся въ могилѣ. Кто читаетъ ее передъ сномъ, въ распоряженіе того Богъ дастъ 1000 ангеловъ, которые сохраняютъ его отъ козней проклятаго шайтана, будутъ просить ему помилованіе отъ Бога, будутъ находиться при его похоронахъ, проводятъ его до могилы и когда онъ будетъ положенъ въ ляхидъ (¹), эти ангелы войдутъ въ могилу съ нимъ, будутъ тамъ заниматься богопочтеніемъ и награда за ихъ благочестіе будетъ усвоена тому человѣку. И распространится его могила на разстояніе взора; онъ будетъ обезпеченъ отъ тѣсноты могилы, и могила будетъ свѣтла. Когда онъ выйдетъ изъ могилы (въ день воскресенія), тѣ ангелы будутъ сопутствовать ему, обрадуютъ его благочестіемъ, будутъ поддерживать его при проходѣ по мосту сырать (²) и онъ не будетъ опечаленъ и огорченъ предъ Богомъ. И скажетъ ему Богъ Всевышній: ходатайствуй за кого хочешь, Я приму твое ходатайство, и проси (чего хочешь), Я дамъ тебѣ просимое. Онъ станетъ ходатайствовать за кого захочетъ, а всѣ твари скажутъ хвала Богу!.... Надъ кѣмъ бы ни была прочитана благородная Я-синь, прекратится у

(¹) Боковое углубленіе въ могилѣ, въ которое полагается тѣло умершаго мусульманина.

(²) Этотъ мостъ—тоньше волоса и острѣе меча и будетъ протянутъ надъ бездною ада.

того жажда въ минуту смерти; ангель смерти возьметъ его душу и онъ не возжаждетъ до тѣхъ поръ, пока не войдетъ въ рай. Главу *Я-синь* хорошо читать также 4 раза для сохраненія вѣры. А если ее списать розовой водой или шафраномъ и пить въ продолженіи семи дней, то память увеличится.. Если написать ее и прибить въ домѣ, изъ этого дома удалятся дивы и пери. Вообще-же-читающій *Я-синь* будетъ причастнымъ Божія милосердія.

Въ Тафсирѣ Маджмау-ль-баянъ сказано: „сказаль пророкъ—миръ ему: кто прочитаетъ главу 49, тотъ будетъ подобенъ тому, кто въ теченіе дня и ночи посѣщаль гробъ пророка—миръ ему. Еще: кто прочитаетъ главу 49-ю, тотъ будетъ подобенъ участвовавшему съ пророкомъ—миръ ему—въ осадѣ Мекки. Сказаль пророкъ—миръ-ему: кто прочитаетъ одинъ разъ главу Ихлясь⁽¹⁾, тотъ получитъ одинаковую награду съ прочитавшимъ треть корана, и дастъ ему Богъ 10 добрыхъ дѣлъ на каждого увѣровавшаго въ Мухаммеда, на каждого ангела, на каждую священную книгу и на каждого пророка. А кто прочитаетъ эту главу два раза, для того Богъ устроитъ въ раю 12 дворцовъ; а кто прочитаетъ эту главу 100 разъ, тому Богъ проститъ грѣхи за цѣлые 25

(1) Такъ называется 112-я глава корана.

лѣтъ и не умретъ онъ, не увидѣвши назначеннаго ему въ раю мѣста. Въ Тафсирѣ Маджмау ль-баянъ сказано: пророкъ—миръ ему—сказалъ: кто пропуститъ одну недѣлю, не прочитавши ни разу Ихлясъ, и потомъ умретъ, тотъ умретъ въ вѣрѣ Абуляхаба, т. е. невѣрующимъ. Еще сказалъ пророкъ—миръ ему: когда постигнетъ болѣзнь или большое несчастіе, и онъ не читаетъ тогда Ихлясъ и умретъ, то будетъ въ аду. Еще: кто читаетъ Ихлясъ 10 разъ послѣ намаза, тотъ не согрѣшитъ въ теченіе дня. Знай также, что эта глава потому называется *Ихлясъ*, что читающій ее сохраняетъ отъ многобожія и лицемѣрія“ и т. д.

Сомнѣнія во всѣхъ обѣщанныхъ наградахъ для мусульманина не существуютъ, такъ какъ обѣщанія наградъ основаны на преданіяхъ отъ самого Мухаммеда. Тѣмъ большая награда, понятно, ожидаетъ того, кто читаетъ весь коранъ кряду, что называется *сдѣлать хатмя*. Поэтому набожный мусульманинъ старается какъ можно чаще читать коранъ и прочитывать его весь въ сутки, ни мало не стѣсняясь невозможностію слѣдить при быстромъ чтеніи за смысломъ читаемаго.

Въ большихъ мечетяхъ на востокѣ всегда для усердныхъ богомольцевъ назначены 30 чтецовъ, изъ которыхъ каждый исправно прочитываетъ одну тридцатую часть корана,

и коранъ такимъ образомъ прочитывается весь въ каждыя сутки. Авторъ мистическаго сочиненія „*Айну-ль-ильми*“ возстаетъ противъ этого обычая, совѣтуя дѣлать хатмя по меньшей мѣрѣ въ трои сутки. Прочитавши весь коранъ, набожный мусульманинъ прочитываетъ особую молитву, помѣщаемую обыкновенно въ концѣ корана и просить о прощеніи ошибокъ въ чтеніи корана, а именно: удлинненіе, убавленіе, ошибку, невнимательность, погрѣшность, беспечность, забывчивость, ускореніе, замедленіе, нерачительность въ его чтеніи, оставленіе мядды, тявина и тяждида (знаки чтенія), допущеніе остановки, гдѣ она не положена и безостановочное чтеніе тамъ, гдѣ положена остановка, или опущеніе безъ вниманія разныхъ дѣленій корана или перестановку слова съ одного мѣста на другое, или совершенное опущеніе его. „Ослаби и прости намъ все это по милости, благодати и щедрости Твоей, о Милостивый изъ Милостивыхъ!“ Послѣ этого слѣдуетъ молитва, какую мусульманинъ долженъ читать при совершеніи земнаго поклона.

Въ заключеніе молитвы, мусульманинъ, полный чувства благодарности къ Богу за обѣщанья Имъ отъ лица Мухаммеда награды за чтеніе корана, восклицаетъ: „Боже! благодать Мухаммеда, весь домъ его, асхабовъ его по тысячѣ разъ за каждую букву кора-

на, по милости твоей, о милостивый изъ милостивыхъ!“.

Даже огромныя толкованія корана, указывающія повидимому на живое и сознательное отношеніе мусульманъ къ своей священной книгѣ, заключаютъ въ себѣ слѣды безотчетнаго вѣрованія толковниковъ въ спасительную силу даже внѣшней стороны корана. При ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ толкованій оказывается, что большею частію они состоятъ въ искусственной подставкѣ подъ текстъ корана давно уже готовыхъ, давно принятыхъ вѣрованій и положеній, которымъ насильственно подчиняютъ мысль корана.

Этимъ-же непомѣрнымъ уваженіемъ мусульманъ къ самой буквѣ корана объясняется и то странное явленіе въ мусульманскомъ мірѣ, что арабскій текстъ его, непонятный для большинства исповѣдниковъ ислама, не переводится на родной языкъ мусульманскихъ народовъ. Какъ исключеніе въ нѣкоторыхъ турецкихъ изданіяхъ полного корана и татарскихъ изданіяхъ афтіяка печатается иногда арабскій текстъ корана съ присоединеніемъ къ нему буквального перевода cadaго слова на турецкомъ или татарскомъ языкѣ. А такъ какъ турецко-татарская конструкція не подходитъ къ арабской, то читающій такой переводъ очень мало уразумѣваетъ изъ текста своей священной книги.

Ученіє корана.

Знаменитый европейскій натуралистъ Александръ фонъ - Гумбольдтъ въ одномъ мѣстѣ своего „Космоса“, между прочимъ замѣчаетъ, что „врачи, образовавшіеся въ греческихъ училищахъ и въ знаменитой медицинской школѣ, основанной несторианскими христианами въ Едессѣ, въ Месопотаміи, жили въ Меккѣ уже въ мухаммедово время и были въ дружбѣ съ пророкомъ и тестемъ его Абу-Бекромъ“ (1). Въ этомъ замѣчаніи нѣтъ ничего невѣроятнаго и ничего особеннаго: искусство врачеванія въ самомъ себѣ носитъ силу, убѣждающую какъ образованнаго, такъ и необразованнаго человѣка. И въ настоящее время мы знаемъ примѣры, что европейски образованный врачъ можетъ быть принятъ съ уваженіемъ при дворѣ любого среднеазіятскаго владѣтеля и полуграмотнаго бека, а знаменитый Ливингстонъ искусствомъ врачеванія приобрѣталъ уваженіе, довѣріе и любовь даже среди дикарей внутренней Африки. Но Мурза-Алимъ утверждаетъ, что это замѣчаніе Гумбольдта „конечно, говоритъ въ пользу образованности самого пророка, которую многіе отрицаютъ“. Затѣмъ

(1) Космосъ. Опытъ физическаго міроописанія. Переводъ съ нѣмецкаго Николая Фролова. Изданіе 3-е. Москва, 1871 г. Ч. II, гл. V, стр. 171.

Мурза-Алимъ заявляетъ отъ себя, что *Мухаммедъ всегда высоко цѣнилъ знаніе и науку и особенно благоволилъ къ греческимъ мудрецамъ* (1). Не доказавъ этого своего положенія (2), что особенно и было-бы необходимо, въ виду именно того, что многіе (и совершенно справедливо, отъ чего историческое значеніе и своеобразное величіе основателя ислама ни мало не страдают, прибавимъ мы) отрицаютъ образованность въ основателѣ ислама, — Мурза-Алимъ, въ другой своей статьѣ, на основаніи научныхъ данныхъ арабскихъ и европейскихъ писателей и стараясь быть безпристрастнымъ, заявляетъ, что *ученіе ислама принадлежитъ всему человечеству*, какъ одна изъ эволюцій религіозной мысли, въ постепенномъ ея развитіи и что всякій, занимающійся съ философской точки зрѣнія изученіемъ ислама, какъ и всякой другой религіи, имѣетъ неотъемлемое право обсуждать эту религію со всѣхъ сторонъ и обсуждать то вліяніе, которое (какое) она имѣла на исповѣдующихъ ея догматы. Постараемся и мы, руководясь этимъ принципомъ, указать въ общихъ чертахъ на главные пункты религіознаго ученія корана, чтобы доставить русскимъ чита-

(1) С.-Петербургскія Вѣдомости, 1882 г. № 224, статья „Исламъ и магометанство“.

(2) А доказать это, намъ кажется, нельзя; да это будетъ противно и общему мусульманскому вѣрованію.

телямъ „Туркестанскихъ Вѣдомостей“ возможность получить общее представленіе о религіи Мухаммеда. И въ этомъ случаѣ нами, помимо практическаго мѣстнаго интереса (1) руководить взглядъ Э. Тэйлора, заявляющаго, что наградою въ этомъ случаѣ будетъ болѣе раціональное пониманіе вѣрваній людей, съ которыми мы живемъ, такъ какъ человѣкъ, понимающій только одну религію (2), на самомъ дѣлѣ понимаетъ ее не болѣе того, сколько человѣкъ, знающій одинъ только языкъ, понимаетъ послѣдній (3). Мы, русскіе, повторяемъ, давно находимся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ своимъ соотечественникамъ-мусульманамъ и, будучи господствующею націей, должны, вслѣдствіе своей невнимательности, поучиться у г.г. Гаспринскаго, Девлетъ-Кильдеева и Мурзы-Алима! Намъ, жителямъ Туркестана, пора и свое сужденіе имѣть объ основномъ религіозно-законодательномъ кодексѣ мусульманъ, чтобы не приписывать ему такихъ идей и постановленій, какихъ въ немъ нѣтъ и не могло быть, и тѣмъ не причинять вреда ту-

(1) См. выше, стран. 24—32.

(2) Какъ это нужно сказать о всѣхъ мусульманахъ, за единичными исключеніями.

(3) Первобытная культура Эдуарда Тейлора. Рус. перев. подъ редакціей Д. Коропчевскаго. Спб. 1872, т. I, ч. 2, гл. XI, стр. 5.

земцамъ, которыми намъ суждено управлять.

Въ одномъ мѣстѣ корана говорится: „Благочестивы тѣ, которые вѣруютъ въ Бога, въ послѣдній день, въ писаніе, въ пророковъ“ (1). Тоже само выражено въ слѣдующихъ словахъ корана: „Вѣрующіе! Вѣруйте въ Бога, въ посланника Его, въ писаніе, какое Онъ ниспослалъ своему посланнику, и въ писаніе, которое Онъ ниспослалъ прежде; кто отвергаетъ вѣру въ Бога, ангеловъ, въ писанія Его, въ Его посланниковъ и въ послѣдній день—тотъ заблудился крайнимъ заблужденіемъ“ (2). Вотъ главные пункты догматическаго ученія Мухаммеда, изложенные въ коранѣ. Сравнительно съ ветхозавѣтнымъ ученіемъ, Мухаммедъ не ввелъ въ коранъ ничего новаго, потому что и ученіе о пророческомъ достоинствѣ самого Мухаммеда и о божественномъ происхожденіи корана явилось въ подражаніе ученію евреевъ о пророкахъ и священныя книги, принятому христіанами. Ученіе о пророкахъ было извѣстно кромѣ того арабскимъ сектантамъ, современникамъ Мухаммеда. Основатель ислама это готовое ученіе примѣнилъ къ себѣ и сказалъ, что *о немъ* было предсказано въ еврейскихъ и христіанскихъ священныя

(1) Коранъ, гл. 2, ст. 172; ср, гл. 2, ст. 285.

(2) Коранъ, гл. 4, ст. 135.

книгахъ (1). Поэтому замѣчаніе Мурзы-Али-ма, что Мухаммедъ „не создавалъ и не создалъ исламъ, который существовалъ до него и истины котораго: „существованіе Бога единого и безсмертіе души“ легли въ основаніе еврейскихъ, христіанскихъ и магометанскихъ вѣроисповѣданій“, (2) можно признать только въ томъ смыслѣ, что Мухаммедъ почти все свое ученіе заимствовалъ главнымъ образомъ у евреевъ и христіанскихъ сектантовъ, ученіе которыхъ въ Коранѣ не отличено отъ истиннаго христіанскаго (3). Тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе, что современные Мухаммеду арабы были въ массѣ язычниками - идолопоклонниками, исторія признаетъ заслугу Мухаммеда въ томъ, что онъ значительно ослабилъ язычество арабовъ, хотя и не могъ совершенно уничтожить его (4), и распространилъ сре-

(1) Коранъ, гл. 7, ст. 156; гл. 3, ст. 75; гл. 61, ст. 6; гл. 46, ст. 9; гл. 2, ст. 123.

(2) С.-Петербургскія Вѣдомости 1882 г. № 196, ст. „Исламъ и магометанство“.

(3) Желаящіе могутъ прочесть объ этомъ два специальныхъ изслѣдованія, изданныя въ 1875 г. въ Казани: одно на тему „Мысли Аль-корана, заимствованныя изъ христіанства“ и другое на тему: „Исторія іудейства въ Аравіи и вліяніе его на ученіе корана“. Оба названныя изслѣдованія основаны на лучшихъ иностранныхъ источникахъ.

(4) Такъ, напримѣръ, онъ удержалъ въ своей религіи поклоненіе каабѣ и черному камню, весь древній

ди арабовъ-язычниковъ болѣе чистое и болѣе возвышенное ученіе о единомъ Богѣ и духовномъ мірѣ. Не считая своею задачею разбирать догматическое ученіе корана, мы укажемъ здѣсь только на неточности, относящіяся къ данному вопросу и замѣченныя нами въ статьяхъ г. Мурзы-Алима. Онъ, напримѣръ, умолчалъ о томъ, что въ коранѣ Мухаммедъ называется *печатью пророковъ* ⁽¹⁾, пророкомъ, посланнымъ Богомъ не только къ арабамъ-язычникамъ, но и къ народу писаній, т. е. къ іудеямъ и назарянамъ, къ людямъ и геніямъ ⁽²⁾, и что ученіе корана выдается за лучшее и совершеннѣйшее изъ всѣхъ прежде бывшихъ религіозныхъ ученій ⁽³⁾. А это не согласуется съ мнѣніемъ Мурзы-Алима, утверждающаго, что Мухаммедъ ставитъ (въ коранѣ) І. Христа *выше себя*, говоря о немъ между прочимъ слѣдующее: „Мессія Іисусъ, сынъ Маріи, апостоль и Его слово, которое онъ бросилъ въ Марію.—Онъ Духъ, происходящій отъ Бога“ и далѣе, и далѣе. „Вѣруйте въ Бога и Его апостоловъ и не говорите: есть Троица, потому что Мессія не пренебрегаетъ быть слу-

обрядъ хаджа и ученіе о джиннахъ, которымъ приписалъ способность къ половымъ сношеніямъ съ райскими гуріями. Коранъ, гл. 55, ст. 56 и 74.

⁽¹⁾ Коранъ, гл. 33, ст. 40.

⁽²⁾ Коранъ, гл. 5, ст. 18, 22; гл. 46 ст. 28; гл. 72.

⁽³⁾ Коранъ, гл. 39, ст. 24.

гою Божиимъ, не болѣе какъ ангелы, которые приближаются къ Богу (Коранъ. сура IV. ст. 169 и 170“) (1).

Замѣчаніе Мурзы-Алима о христіанскомъ ученіи о Богѣ Трѣдиномъ значительно ослабляется, если мы напомнимъ читателямъ, что въ коранѣ это ученіе представлено въ такой формѣ, въ какой оно не исповѣдуется православными и какъ оно не было изложено въ Евангеліи. Въ Евангеліи упоминаются: Отецъ, Сынъ и Духъ Святой, а въ коранѣ: Богъ, Марія и Іисусъ.

Мы охотно обошли-бы молчаніемъ ученіе корана о райскомъ блаженствѣ, но не позволяемъ себѣ умолчать объ этомъ въ виду слѣдующаго замѣчанія г. Девлетъ-Кильдеева: „что-же касается пресловутаго рая Магомета, который служитъ предметомъ столькихъ рассказовъ, то онъ, по корану, заключается, правда, въ изображеніи чувственныхъ наслажденій; но изображеніе рая съ такими наслажденіями, которыя *охотно бы-ли бы приняты и современнымъ обществомъ христіанъ*, было необходимо для народа того времени и согласно съ его воззрѣніями на блаженство (2).

Не говоря о пространствѣ рая и вратахъ

(1) С.-Петербургскія Вѣдомости 1882 г. № 188, „Исламъ и магометанство“.

(2) Магометъ, какъ пророкъ, стр. 23—24.

его, напомнимъ читателямъ-христіанамъ, что охотно, по предположенію г. Девлетъ-Кильдеева, желаемый нами рай состоитъ изъ различныхъ плодовыхъ деревъ, лотосовъ и банановъ и орошается рѣками изъ молока, вина и меда. Живущіе въ раю одѣваются въ шелковыя, зеленаго цвѣта одежды; на рукахъ носятъ золотыя и жемчужныя запястья; сидятъ на сѣдалищахъ, украшенныхъ золотомъ и драгоценными камнями, имѣя при себѣ подушки и ковры. Необыкновенно вкусныя кушанья и напитки, подаваемые въ золотыхъ блюдахъ и кубкахъ, не производятъ ни отягощенія, ни ошьяненія. Прислуживать райскимъ обитателямъ будутъ вѣчно-юные отроки, а супругами райскихъ мужчинъ будутъ черноокія дѣвы. При такой обстановкѣ въ раю не будетъ ни печали, ни празднословія; обитатели рая будутъ пѣть Богу хвалебныя пѣсни и разговаривать между собою о благочестіи. Находясь подъ тѣнію райскихъ деревъ, райскіе обитатели не будутъ видѣть ни солнца, ни луны и второй смерти не испытаютъ; Богъ будетъ доволенъ ими, и они будутъ довольны Богомъ (1).

Мы недоумѣваемъ по поводу приведеннаго выше замѣчанія г. Девлетъ-Кильдеева. Принять это за шутку мы не имѣемъ права, пото-

(1) См. многочисленныя мѣста корана, указанныя въ Приложеніи I къ переводу корана, на стр. 215—218.

му что его брошюра преслѣдуетъ слишкомъ серьезную цѣль; смотрѣть-же серьезно на такое замѣчаніе не хочется, потому что оно ни съ чѣмъ не сообразно.

Имѣя въ виду желаніе мусульманскихъ публицистовъ доказать культурное значеніе ислама не только въ прошедшемъ, но и въ будущемъ и притомъ для всего человѣчества, мы позволяемъ себѣ замѣтить, что ученіе корана о загробной жизни едва-ли можетъ удовлетворять кого либо, кто ни по происхожденію, ни по умственному развитію, ни вообще по образу жизни, ни походить на арабовъ начала VII вѣка по Рожд. Хр.

Болѣе существенный вопросъ въ догматическомъ ученіи корана составляетъ ученіе о предопредѣленіи, или вѣрнѣе—противорѣчивыя выраженія корана относительно человѣческой свободы. По какимъ-бы побужденіямъ Мухаммедъ ни училъ о предопредѣленіи—по политическимъ или религіознымъ—мы должны сказать, что онъ далъ полное основаніе нѣкоторымъ позднѣйшимъ мусульманскимъ сектамъ совершенно отрицать въ человѣкѣ свободную волю, а народной массѣ—поводъ вѣрить, что Богъ если захочетъ, то и благочестиваго низведетъ въ адъ, а если захочетъ, то и грѣшнику дастъ мѣсто въ раю. Двойственность ученія корана о свободѣ человѣкой воли до сихъ поръ на личности неразвитаго оказываетъ непрогрессивное влія-

ніе. Простые мусульмане до сихъ поръ говорятъ: „такой такдиръ! такой кысметъ!“ и руководствуются этою вѣрою въ предопредѣленіе въ своей жизни.

Кромѣ того, исключительность всего ученія о Богѣ и о духовномъ мірѣ ставитъ мусульманъ въ положеніе исключительное, въ какомъ они остаются до сихъ поръ. „Арабскій проповѣдникъ первоначально обращалъ свое вниманіе только на предметы національныя, стараясь установить между соотчичами національный деизмъ; поэтому онъ допускалъ христіанство, но только какъ религію, не пригодную для другихъ народовъ; затѣмъ, когда онъ увлекся энтузіазмомъ и встрѣтилъ неожиданный успѣхъ, его воззрѣнія расширились далѣе предѣловъ его собственнаго рода, племени и народа, и онъ началъ во всей широтѣ раскрывать идею, что монотеизмъ необходимо долженъ быть религіею всего міра (1). Такъ, исключительно понимая единство Божества, Мухаммедъ подъ конецъ своей жизни измѣнилъ свое положеніе: изъ національнаго онъ превратилъ себя во всемір-

(1) Описывая процессъ того, какъ развивалась будущая система Мухаммеда, мы только представляемъ хорошо извѣстный психологическій законъ, имено, что спекуляціи какого-нибудь будущаго предмета всегда начинаются самыми широкими общностями и затѣмъ постепенно принимаютъ болѣе опредѣленный видъ.

наго проповѣдника, и при этой новой, расширенной схемѣ онъ почувствовалъ, что христіанство уже не можетъ стоять на одной ступени съ его собственною вѣрою, что оно необходимо должно занять по отношенію къ исламу подчиненное положеніе“ (1). Такъ говоритъ д-ръ Арнольдъ (2), прожившій довольно долгое время на Востокѣ и имѣвшій возможность изучить тамъ, на мѣстѣ, исламъ не только путемъ книжнаго знакомства съ исторіей и характеромъ этой религіи, но и путемъ собственныхъ наблюденій жизни мусульманъ на Востокѣ. Выводы его согласны со всѣми современными европейскими изслѣдованіями о коранѣ, почему книга его очень скоро выдержала въ Лондонѣ три изданія.

Каждая религіозная система предлагаетъ своимъ послѣдователямъ извѣстныя нравственныя правила и извѣстные обряды. Мухаммедъ, постоянно ссылавшійся въ коранѣ на ветхозавѣтныя и новозавѣтныя писанія, предписывалъ своимъ послѣдователямъ: мо-

(1) Мухаммедъ до 40 года своей жизни былъ идолопоклонникомъ. Религія его націи была смѣсью монотеизма съ идолопоклонствомъ, и не безъ сильной борьбы онъ сталъ исповѣдывать единое Божество съ такою ясностію, какъ это мы видимъ въ коранѣ.

(2) См. *Islam: Its History, Character and Relation to Christianity*. By John Muchleisen Arnold. London. 1874, Chapt. V.

литву, постъ, милостыню, путешествіе въ Мекку, благотворительность, челоѡколюбіе, скромность, снисходительность, терпѣніе и постоянство, довольство, чистосердечіе, честность, цѣломудріе (вѣрность 1—4 женамъ), любовь къ истинѣ и миролюбіе, довѣрѣе и преданность. Въ то-же время онъ запрещалъ: несправедливость, мстительность, надмѣнность, ложь, лицемѣріе, сплетни, ругательства, насмѣшки, скупость, расточительность, обманъ, подозрительность, и т. п. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это ученіе для арабовъ VII вѣка имѣло значеніе, точно также и для современныхъ намъ низшихъ націй, исповѣдующихъ исламъ, пока онъ не возвысится до болѣе широкаго нравственнаго ученія.

„Въ коранъ, говоритъ докторъ Арнольдъ, не входитъ универсальная филантропія. У мухаммеданъ законъ любви въ его широкомъ смыслѣ тѣсно ограниченъ ихъ собственной общиной, такъ какъ ихъ пророкъ совсѣмъ не зналъ закона универсальной благодати⁽¹⁾. Также національный обычай возмездія (*Lex talionis*) и учрежденіе полигаміи съ правомъ развода по произволу заключаютъ въ себѣ

(¹) Тотъ фактъ, что мухаммедане—главные поборники рабства, что изъ среды ихъ ни однажды не поднималось ни одного голоса противъ рабства, доказываетъ, что они не признаютъ общаго братства челоѡческой рассы.

принципы, совершенно противные духу универсальной религии. Въ жизни самого Мухаммеда выполнены только тѣ нравственныя требованія, которыя идутъ къ человѣку Аравіи“ (1). И современный мусульманскій авторъ, г. Девлетъ-Кильдеевъ сознаетъ это, когда говоритъ, въ заключеніе своей брошюры, что „если мусульмане будутъ болѣе придерживаться смысла ученія своего пророка, изложеннаго съ коранъ, отнесутся менѣе фанатично къ своимъ предписаніямъ, въ такомъ случаѣ можно съ достовѣрностію предсказать мусульманамъ блестящую будущность“. (2) Другими словами это слѣдовало-бы сказать такъ: если мусульмане будутъ держаться только лучшихъ предписаній корана и оставить въ сторонѣ все остальное, тогда и только тогда они могутъ примкнуть къ европейской цивилизаціи. Но когда наступитъ эта возможность? Для того, чтобы различать лучшее отъ худшаго, нужно развитіе въ другихъ, не-мусульманскихъ, понятіяхъ.

Мы согласны съ названнымъ авторомъ, что русская публика имѣетъ весьма смутное понятіе о религии Мухаммеда, и въ этомъ—непростительная вина русскихъ; но мы не мо-

(1) Islam et cet., chapt. V: „What Mohammed borrowed from Christianity. Приведено по русскому переводу, издач. въ Казани въ 1875 г.

(2) Магометъ какъ пророкъ, стр. 34.

жемъ согласиться съ слѣдующими его словами: „Магометъ *вездѣ* и *всегда* предписывалъ милосердіе, *даже къ врагамъ*, и если обстоятельства принудили его взяться за мечъ, чтобы защищать свою личность и личность своихъ учениковъ отъ враждебныхъ нападеній воинственныхъ племенъ аравійскихъ степей, то онъ не злоупотреблялъ своею властью. Напрасно нѣкоторые народы ссылаются на священную книгу мусульманъ „коранъ“, для оправданія своихъ варварскихъ поступковъ; *коранъ ничего подобнаго не предписываетъ и никакой вражды къ христіанамъ не высказываетъ* (1). Несправедливо приписывать Магомету и его религіи дѣйствія нѣкоторыхъ изъ его послѣдователей, которые, увлекаясь болѣе славою оружія, чѣмъ истинами корана, полагали служить дѣлу Магомета съ мечемъ въ рукахъ, такъ точно, какъ нельзя ставить въ вину Іисусу Христу и его ученію всѣ тѣ кровопролитныя войны, инквизиціи и костры, которые воздвигались во имя распространенія христіанской религіи“ (2). Съ послѣдней мыс-

(1) Кто не читалъ коранъ, тотъ, пожалуй, повѣритъ такому заявленію, рассчитанному именно на незнакомство русскихъ людей съ кораномъ. Ср. № 196 С.-Петербург. вѣдомости, ст. Мурзы Алима „Исламъ и Магометанство“.

(2) Стр. 3—4. Ср. Петерб. Вѣдом. № 196, ст. Мурзы Алима.

лей мы согласны, а съ первой нельзя согласиться: Мухаммедъ заповѣдалъ мусульманамъ вражду къ христіанамъ и вообще къ невѣрующимъ (*кяфиръ*) и не оговорилъ, что такое отношеніе къ иновѣрцамъ есть мѣра временная. А мы изъ исторіи мусульманства и изъ приведенныхъ въ началѣ нашихъ статей словъ барона Торнау знаемъ, что мусульманъ только страхъ предъ физической силой побѣдителей удерживаетъ въ подчиненіи у иновѣрныхъ. Не слѣдуетъ при этомъ смѣшивать уклоненія отъ христіанскаго закона съ закономъ корана о войнѣ съ невѣрми, на что г. Девлетъ-Кильдеевъ не обратилъ вниманія. И онъ сознаетъ, повидимому, слабость ученія корана, когда черезъ десять строкъ замѣчаетъ: „что въ наше время пора придти къ заключенію, *что есть только одинъ Богъ и Отецъ всѣхъ, который надъ всѣми, чрезъ всѣхъ и во всѣхъ насъ*“, что христіанамъ уже давно извѣстно, такъ какъ это — слова апостола Павла (¹).

Другой образованный мусульманинъ, г. Гаспринскій, говоритъ: „весьма понятно и весьма естественно, что всякое государство, всякая господствующая народность въ разноплеменномъ государствѣ, въ видахъ упроченія своей будущности, стремится къ единенію, въ широкомъ смыслѣ этого слова, къ

(¹) Ефес. гл. 4, ст. 6.

возможному приведенію въ однородность своего разноплеменнаго населенія... Исторія указываетъ намъ, какъ при приблизительномъ равномъ пропорціональномъ отношеніи иноплеменниковъ къ господствующему племени вызывались тяжкія, кровавыя драмы и перевороты, какъ слѣдствіе примѣненія безнравственныхъ и ошибочныхъ способовъ и системъ по упроченію государственнаго единства, точно такъ же, какъ при иномъ соотношеніи племенъ, тамъ, гдѣ господствующее племя представляетъ подавляющее большинство, задерживалось, въ силу вещей, умственное и матеріальное развитіе обширныхъ странъ и областей, а это, конечно, не могло не отозваться вредно на всемъ ходѣ государственной жизни.... Несомнѣнно, продолжаетъ онъ, есть горячіе патріоты въ литературѣ и въ администраціи, думающіе, что легко и возможно путемъ канцелярскихъ мѣропріятій, тѣхъ или другихъ ограниченій или поблажекъ — переродить ту или другую народность по желаемому образцу. Я ничего не имѣлъ-бы противъ этого желанія, если бы оно было осуществимо въ сколько нибудь краткій періодъ времени, если-бы не было однимъ только толченіемъ воды и медвѣжьей услугой отечеству на почвѣ патріотизма; но мы глубоко убѣждены, что для перерожденія, передѣлки по данному образцу какой бы то ни было народности, сколько нибудь

исторической и культурной, необходимо столько же времени при совокупности всѣхъ условій, сколько было необходимо при первоначальномъ обособленіи и выработкѣ той народности; иначе, по всей вѣроятности, давнымъ давно исчезли-бы съ лица земли десятки народностей, живущихъ уже тысячелѣтія, не смотря на то, что въ доброе старое время, способъ поглощенія и ассимиляціи были далеко не столь деликатны и медленны, какъ теперь“... (1).

Однимъ словомъ, г. Гаспринскій не допускаетъ „кровнаго химическаго единенія“ мусульманскихъ подданныхъ Россіи съ русскими, а желаетъ „единенія нравственнаго, ассимиляціи нравственной, духовной, основанной на принципахъ національной индивидуальности, свободы и самоуправленія“. Признаемся, — мы хорошо не понимаемъ приведенной игры словъ и думаемъ такъ: какую теорію государственнаго единенія разнорядныхъ націй ни создавай, какъ эту теорію ни называй и какъ-бы „другая система политики, истекающая изъ уваженія къ національности и всестороннему равенству племенъ, населяющихъ государство“, ни споспѣшествовала образованію, прогрессу и выработкѣ лучшихъ формъ труда и жизни, все-таки господствующей націи необходимо всег-

(1) Русское мусульманство, стр. 15—17.

да имѣть въ запасѣ перевѣсъ физической и нравственной силы, чтобы удержать свое господствующее положеніе. Образованіе, слажившая грубость взаимныхъ отношеній, повторимъ, никогда не уничтожаетъ въ покоренной націи сознанія своей подчиненности. Ссылаясь на Соединенные Штаты и Швейцарію, г. Гаспринскій забываетъ, что исторія Россіи и ея настоящее не имѣетъ ничего общаго съ исторіей названныхъ странъ, и что русскіе подданные-мусульмане совсѣмъ не похожи на переселенцевъ Европы, населяющихъ Сѣверную Америку и Швейцарію. А съ другой стороны, мы желаемъ указать г. Гаспринскому, такъ горячо отстаивающему принципы корана и доказывающему возможность единенія нравственнаго мусульманства съ русскими на принципахъ того-же корана, — на исторію Турціи, которая давно, какъ самостоятельная мусульманская держава, должна была-бы показать образованному христіанскому міру примѣръ управленія своими иноувѣрными и иноплеменными подданными на принципахъ уваженія къ національности и всестороннему развитію подчиненныхъ племенъ.... Но мы твердо увѣрены, что мусульманская Турція не дастъ христіанской Европѣ этого примѣра и не можетъ дать именно потому, что Турція обязана руководствоваться „вѣчнымъ кораномъ“, внушающимъ туркамъ гордость и чванство своимъ мусульман

ствомъ и полное презрѣніе къ христіанскимъ своимъ подданнымъ, которыхъ они вообще называютъ *райя*, т. е. *стадо* (1). Извиняясь предъ читателями за сдѣланное сейчасъ отступленіе, спѣшимъ заявить, что въ настоящей статьѣ мы не имѣемъ въ виду разбирать предлагаемыя г. Гаспринскимъ способы наилучшаго образованія россійскихъ мусульманъ.

Точно также ученіе корана о взаимныхъ отношеніяхъ людей не можетъ содѣйствовать успѣхамъ общечеловѣческаго прогресса, такъ какъ эти отношенія обусловливаются исповѣданіемъ „ученія корана“. По точнымъ выраженіямъ священной книги мусульманъ, вѣрующіе въ Мухаммеда — самый лучшій народъ въ мірѣ (2); они другъ другу братья, не должны враждовать между собою, должны быть добросердечны между собою (3). Въ то-же время коранъ учитъ, что невѣрующіе въ коранъ—враги Богу и Богъ—врагъ

(1) См. сочин. Вл. Гиргаса: „Права христіанъ на Востокъ по мусульманскимъ законамъ“ Спб. 1865.

(2) Коранъ, гл. 3, ст. 106.

(3) Коранъ, гл. 3, ст. 114. „Вѣрующіе! Не входите въ искреннюю дружбу ни съ кѣмъ, кромѣ себя самихъ; они непременно сведутъ васъ съ ума; они желаютъ того, чтобы погубить васъ“ или: „Мухаммель есть посланникъ Божій; тѣ, которые съ нимъ, жестоки къ невѣрнымъ и добросердечны между собою“ (гл. 48, ст. 29).

имъ (1), что они друзья сатаны (2), что съ ними мусульмане не должны дружиться (3), а должны быть жестокими къ нимъ (4), должны безпощадно ихъ избивать (5). Въ одномъ мѣстѣ Мухаммеду говорить Богъ: „Ты не увидишь, чтобы люди, вѣрующіе въ Бога и послѣдній день, любили тѣхъ, которые противятся Богу и посланнику Его, *хотя-бы это были отцы ихъ, или дѣти ихъ, или братья ихъ, или какіе либо родственники...*“ (6). Если помолишься о прощеніи ихъ и семьдесятъ разъ, Богъ не проститъ имъ. Это за то, что они не вѣрують въ Бога и Его посланника.... Никогда не молись ни объ одномъ изъ нихъ, когда кто изъ нихъ умираетъ, и не становись на молитву при его молитвѣ, потому что они не вѣровали въ Бога и въ Его посланника, и умерли нечестивыми. Да не удивляетъ тебя ни богатство ихъ, ни дѣти ихъ: ими хочетъ Богъ только наказать ихъ въ здѣшней жизни, хочетъ только того, чтобы они и умерли невѣрными (7).

На эти и подобныя мѣста г. Девлетъ-Кильдѣевъ не указалъ, а привелъ въ своей бро-

(1) Коранъ, гл. 2, ст. 92.

(2) гл. 4, ст. 78.

(3) гл. 3, стр. 27; гл. 9, ст. 23; гл. 60, ст. 1.

(4) гл. 9, ст. 74, 124; гл. 48, ст. 29; гл. 66, ст. 9.

(5) гл. 9, ст. 5, 14; гл. 47, ст. 45; гл. 3, ст. 122.

(6) гл. 58, ст. 22; ср. гл. 9, ст. 23.

(7) Коранъ гл. 9, ст. 81, 85, 86.

шурѣ мѣста, въ которыхъ говорится о сни-
схожденіи къ невѣрнымъ. Кромѣ того, ко-
ранъ воспрещаетъ мусульманамъ дружитья
съ іудеями и христіанами (1), а въ нѣко-
торыхъ мѣстахъ корана іудеи и христіане
считаются невѣрными, какъ и язычники (2).
Исторія убѣждаетъ насъ въ тоже время, что
населяющіе мусульманскія страны жители
всегда были фанатичны и относились къ хри-
стіанамъ съ полною нетерпимостію; на нашей
памяти еще мученическая смерть унтеръ-офи-
цера Данилова, захваченнаго кокандцами и
не согласившагося принять ученіе ислама.

Мы не останавливаемся здѣсь на предпи-
саніяхъ корана о войнѣ съ невѣрными, трак-
татъ о которой до сихъ поръ изучается му-
сульманами въ медресе. Предметъ этотъ до-
вольно подробно разсмотрѣнъ въ одномъ со-
чиненіи на русскомъ языкѣ, гдѣ желающіе
и могутъ познакомиться съ духомъ этого за-
мѣчательнаго ученія, которое нѣсколько разъ
проповѣдывалось и въ Туркестанѣ, при за-
воеваніи его русскими. Какъ-бы кто ни го-
ворилъ, что это ученіе корана было вызвано
обстоятельствами времени, мы должны ска-
зать, что оно до сихъ поръ дѣйствовало бы
въ странахъ ислама, если-бы не было па-
рализуемо силою христіанскихъ государствъ.

(1) гл. 5, ст. 56 ср. гл. 3, ст. 95.

(2) гл. 5, ст. 19; гл. 2 ст. 99.

Напрасно также г. Девлетъ-Кильдеевъ говорить, что Мухаммедъ съ уваженіемъ всегда относился къ христіанству. Это на самомъ дѣлѣ было только въ первые годы дѣятельности его, когда онъ не чувствовалъ еще за собой довольно силы; подъ конецъ жизни онъ объявилъ свою религію всемірною, и тогда христіане и іудеи стали въ его глазахъ невѣрующими (кяфиръ), которымъ ничего лучшаго не оставалось, какъ переходить въ исламъ или платить дань.

Читателю корана нужно всегда помнить, что въ этой книгѣ сказываются какъ-бы двѣ личности: Мухаммедъ, кроткій проповѣдникъ новой вѣры и Мухаммедъ, полновластный духовной властитель мусульманъ. Только при этомъ условіи, можно будетъ объяснить кроткій духъ нѣкоторыхъ мѣстъ корана, на которыя и указываетъ г. Девлетъ-Кильдеевъ, умалчивая о мѣстахъ другаго характера. Какому-же изъ этихъ двухъ направленій ученія корана мы должны, по справедливости, отдать предпочтеніе? Г.г. Гаспринскій, Мурза-Алимъ и Девлетъ - Кильдеевъ стоятъ за мѣста гуманныя, а въ мусульманскихъ странахъ скорѣе найдутъ приложеніе предписанія противъ невѣрныхъ другаго характера. Д-ръ Вейль, вообще очень благосклонно относящійся къ личности основателя ислама, замѣчаетъ, что закономъ войны Мухаммедъ „слишкомъ много обнаружилъ слабую сторо-

ну въ своемъ характерѣ, такъ какъ старался доставить своей вѣрѣ господство надъ міромъ не силою внутренняго убѣжденія, а насиліемъ. Въ извиненіе Мухаммеда можно сказать, говоритъ онъ, только то, что велико бываетъ искушеніе, когда люди достигаютъ власти и легко употребляютъ ее на преодолѣніе и угнетеніе иновѣрцевъ (1).

Религіозно-обрядовое ученіе корана касается омовеній, молитвы, поста, путешествія въ Мекку и милостыни. При своей немногочисленности, эти обряды въ коранѣ отличаются простотой и несложностію, что имѣло, безспорно, большое значеніе для жителей Аравіи и въ наше время имѣетъ такое-же значеніе для жителей Африки и Азіи, жизнь которыхъ проста и культура вообще несложна. А это, въ свою очередь, оказываетъ и будетъ оказывать вліяніе на распространеніе ислама въ этихъ странахъ. При установленіи обрядовыхъ законовъ, Мухаммедъ слѣдовалъ почти исключительно древнимъ обычаямъ арабовъ, сходнымъ съ еврейскими религіозными обычаями, какъ древнѣйшими, такъ и новѣйшими. Даже замѣна воды пескомъ при омовеніи въ пустынѣ и время начала поста заимствованы имъ у талмудистовъ; законъ о десятинѣ извѣстенъ былъ евреямъ. Обряды

(1) Историко-критическое введеніе въ коранъ. Исламъ. Рус. переводъ, стр. 342.

хаджа извѣстны были арабамъ съ давнихъ поръ и имѣли сходство съ еврейскимъ обычаемъ ходить на праздникъ (*Ханъ*), въ Иерусалимъ. Необходимо замѣтить при этомъ, что въ коранѣ подробности религіозныхъ обрядовъ не развиты, а были выработаны уже послѣ Мухаммеда.

Главнѣйшіе гражданскіе законы корана опредѣляютъ: права мусульманъ по наслѣдству, условія брака и развода, отношенія владѣльцевъ къ рабамъ и права послѣднихъ, наказанія за нарушенія правъ собственности, супружеской вѣрности и за убійство, права и обязанности родителей и опекуновъ, степени родства и вообще дозволенное и запрещенное и наконецъ раздѣлъ военной добычи и отношенія вѣрующихъ къ невѣрующимъ. Эти законы обнимали всю несложную жизнь араба и давали ей извѣстное направленіе, такъ что докторъ Дрэперъ съ полнымъ основаніемъ замѣчаетъ, что „для азіатской (прибавимъ— и для африканской) жизни едва-ли есть положеніе, въ которомъ-бы изреченія изъ корана не могли доставить приличнаго поученія, увѣщанія, утѣшенія и поощренія. Для азіятца и африканца такіе назидательныя отрывки гораздо полезнѣе всякой систематической теологіи“ (1). Этимъ замѣчаніемъ

(1) Исторія умствен. развитія Европы Д. В. Дрэпера. Т. 1, стр. 282.

талантливый историкъ европейской цивилизаціи опредѣляетъ значеніе ислама не только въ прошедшемъ, но и въ будущемъ. По словамъ Шлоссера, самое вредное вліяніе корана заключалось въ томъ, что Мухаммедъ выдавалъ его за идеаль духовнаго развитія и образованности и запретилъ своимъ послѣдователямъ дѣлать изображенія живыхъ существъ. Этимъ онъ затруднилъ свободное развитіе духа, ограничилъ область философскаго образованія и совершенно стѣснилъ искусство, слѣдовательно уничтожилъ главное средство облагороженія духа и самую возможность возвыситься до нравственной свободы и самостоятельности.... Поэтому ученіе корана должно было снова возстановить у восточныхъ народовъ древній восточный характеръ ихъ быта со всѣми его недостатками (1). Считать ученіе корана, допускающее многоженство съ его послѣдствіями, рабство, войну съ невѣрными и т. д. способнымъ удовлетворять людей всѣхъ мѣстъ и временъ и содѣйствующимъ человѣческому прогрессу — нельзя, и г. г. Гаспринскій, Мурза Алимъ и Девлетъ Кильдѣевъ при этомъ увлекаются совершенно искусственною мыслию. Исторія ясно доказала, что идеаль корана давно отжилъ свой вѣкъ и въ настоящее время под-

(1) Всемирная исторія. Ф. Шлоссера. Т. 2. СПб. 1869 г. стр. 283.

держивается только среди низшихъ классовъ мусульманскаго общества. А примѣръ Турціи убѣждаетъ насъ какъ въ томъ, что всякая попытка сблизить идеаль корана съ современными требованіями европейской культуры оказывалась безуспѣшною, такъ и въ томъ, что причину успѣховъ средневѣковой арабской образованности, въ цвѣтущій ея перодъ, нужно искать не въ принципахъ корана, а въ особыхъ условіяхъ, сопровождавшихъ эту образованность. Вѣдь не ученіе о Богѣ единомъ, а ученіе о томъ, что въ коранѣ заключено *все потребное для мусульманина на всю времена* (1), составляетъ самую сущность мусульманской культуры, и разъ она превзошла коранъ, она уже—не мусульманская. А это зависитъ именно отъ того, что коранъ принялъ на себя задачу установить не общіе принципы вѣры и нравственности, а самую форму жизни людей, тогда какъ Евангеліе сообщило человѣчеству только высшій нравственный идеаль, окончательное достиженіе котораго далеко, далеко впереди. Мы не признаемъ убѣдительнымъ для себя и заявленіе Мурзы-Алима, провозглашающаго, что пустые возгласы европейцевъ о томъ, что магометанство не способно къ прогрессу, дока-

(1) А на этомъ именно и настаиваютъ г.г. Гаспринскій, Девлетъ-Кильдеевъ и Мирза Алими.

ываютъ полнѣйшее незнаніе (sic!) того предмета, о которомъ говорятъ и пишутъ (1).

Историческія свѣдѣнія, сообщаемыя въ Коранѣ, весьма рѣдко отличаются точностію; въ большей части случаевъ эти свѣдѣнія противостоятъ исторіи или хронологіи. Подержаніемъ ихъ служитъ главнымъ образомъ библейская, менѣе евангельская и еще менѣе общая исторія. Было-бы утомительно перечислять здѣсь всѣ историческія ошибки Корана, но для примѣра укажемъ на нѣкоторые. Иаковъ упоминается вмѣстѣ съ Исаакомъ (2); въ жертву приносится Измаиль (3), Ибраамъ и Измаиль строятъ каабу (4), Аманъ и Юрей представляются вельможами Фараона (5); Дѣва Марія называется сестрою Имрана и дочерью Имрана (6); смерть крестнаго сына І. Христа отрицается совершенно (7); Ангеліе считается Его книгою, а не писаніемъ евангелистовъ (8), и т. д. Кромѣ этихъ подробностейъ, рассказы Корана о библейскихъ лицахъ и событіяхъ отличаются точностію, недомолвками и рѣдко согласны

С.-Петербургскія Вѣдом. 1882 г. № 196. Ст. 100 и Магометанство.

Коранъ, гл. 11 ст. 74.

гл. 37 ст. 98—107.

гл. 2 ст. 121—123.

гл. 28 ст. 38; гл. 29, ст. 38; гл. 40, ст. 25.

гл. 19 ст. 29.

гл. 4 ст. 156.

гл. 5 ст. 50; гл. 57, ст. 27.

съ библейей. Это зависѣло отъ того, что рассказы корана о библейскихъ лицахъ и событіяхъ были извѣстны Мухаммеду въ искаженномъ видѣ, въ формѣ апокрифической и талмудической, какъ это совершенно доказано современными научными изслѣдованіями. Стоитъ только сравнить рассказъ корана объ Іосифѣ съ библейскимъ рассказомъ, чтобы убѣдиться, въ какой степени мало общаго между этими двумя редакціями. Объ Александрѣ Македонскомъ, этой крупной исторической личности, въ коранѣ рассказана только встрѣча его съ Гогомъ и Магогомъ; по видимому, онъ считается исповѣдникомъ ислама и пророкомъ. На многія другія историческія лица и событія только намекается въ коранѣ.

Приведенныхъ примѣровъ ⁽¹⁾ достаточно для подтвержденія той мысли, что авторъ корана былъ несвѣдущій въ исторіи челоѣкъ и что слѣдовательно „многіе отрицанія его образованности“ совершенно основательны ⁽²⁾. Мы только удивляемся уже совѣ-

⁽¹⁾ А такихъ примѣровъ можно-бы привести множество.

⁽²⁾ Авторъ исторіи умственного развитія Еврейства (Сиб. 1873, т. 1, стр. 272) совершенно справедливо замѣчаетъ, что умственный характеръ Мухаммеда давалъ ему возможности говорить о важныхъ философскихъ вопросахъ съ обдуманнѣмъ искусствомъ лучшихъ греческихъ и индійскихъ писателей.

ненаучной смѣлости г. Мурзы Алима, побѣдоносно восклицающаго, что европейцы совершенно не понимаютъ вопроса объ исламѣ. Такъ можетъ заявлять только человѣкъ, недостаточно знакомый съ учеными достоинствами изслѣдованій европейскихъ ориенталистовъ объ исламѣ.

Заключеніе.

Статья наша „Что такое коранъ?“ окончена. Вопросъ о вліяніи корана на жизнь мусульманскихъ народовъ, какъ оно сказалося въ исторіи послѣднихъ, выходитъ уже за предѣлы нашей задачи, которая состояла: 1) въ пополненіи содержанія Туркестанскихъ Вѣдомостей (см. заявленіе редакціи въ № 1 текущаго года) и 2) въ пробужденіи у русскихъ нашихъ, туркестанскихъ, соотечественниковъ интереса къ знакомству съ основнымъ законодательнымъ кодексомъ мусульманъ.

Не имѣя возможности отмѣтить каждую, въ отдѣльности высказанную названными мусульманскими публицистами мысль, мы довольствовались указаніемъ только на нѣкоторыя ихъ мысли, какія имѣли отношеніе къ содержанію нашихъ статей, въ заключеніе которыхъ мы позволяемъ себѣ замѣтить, что г. Гаспринскій односторонне смотритъ на русское господство надъ мусульманами, вы-

ражающеся будто - бы только въ слѣдующемъ: „*я владѣю, вы платите и живите какъ хотите*“ и заявляетъ по этому случаю: „это очень просто, но крайне безсодержательно“ (1).... „Неужели замѣна казѣвъ—уѣздными начальниками, *наибовъ*—приставами, *бекствъ*—областями и губерніями, *десятинами*—подушной и другими податями, *шелковыхъ халатовъ и беишетовъ*—дворянскимъ воротникомъ, исчерпываетъ все содержаніе этой миссіи и больше ничего не остается дѣлать?“ спрашиваетъ онъ далѣе (2). А мы, въ свою очередь, спросили-бы г. Гаспринскаго: „неужели русское правительство виновато, если русскіе мусульмане, по собственнымъ словамъ г. Гаспринскаго, „хотя и лишены высокой европейской культуры, какъ силы для самосохраненія, но въ своей религіи и проистекающемъ изъ нея своемъ общественномъ бытѣ имѣютъ весьма крѣпкую, почти непреоборимую силу сопротивленія всякимъ чуждымъ вліяніямъ во вредъ своей національной индивидуальности“ (3). И какъ помирить съ этимъ взглядомъ его-же глубокое убѣжденіе въ томъ, „что только незнаніе, невѣдѣніе и недоразумѣніе сдерживаетъ му-

(1) Русское мусульманство, стр. 5.

(2) Русское мусульманство. стр. 6.

(3) Русское мусульманство стр. 25. Послѣдней фразы мы хорошенько не понимаемъ даже.

сульманина отъ близкаго, дѣятельнаго и сочувственнаго приобщенія къ общей русской, отечественной жизни, и что исламизмъ непосредственно тутъ вовсе не мѣшаетъ“ (1). А между тѣмъ опять, по его-же словамъ, служащій или образованный мусульманинъ, принятый въ интеллигентномъ обществѣ, торговецъ въ средѣ русскаго купечества, простой извозчикъ, оффиціантъ въ кругу простаго люда—чувствуютъ себя такъ-же хорошо и привольно, какъ сами русскіе, не тяготясь ни своимъ происхожденіемъ, ни отношеніями русскаго общества, такъ что образованные мусульмане, имѣвшіе случай знакомиться съ разными европейскими обществами, наиболѣе близко сходятся съ русскими людьми (2). И не смотря на это, онъ же опять говоритъ, что если мы (т. е. русскіе) не дадимъ мусульманамъ свѣта и знаній, то наше (русское) господство будетъ ниже китайскаго (3).

По словамъ того-же г. Гаспринскаго, мусульмане, *по уваженію къ ихъ общественному и религіозному быту, имѣютъ кое-какія преимущества и льготы* (4), а мы по этому поводу замѣтимъ, что такихъ кое-какихъ

(1) Русское мусульманство, стр. 22,

(2) Тамъ же, стр. 10.

(3) Тамъ-же, стр. 13.

(4) Русское мусульманство, стр. 9.

преимущество и льготы не имѣли и не имѣютъ русскіе подданные нашей обширной и разноплеменной имперіи. Русское правительство никогда не создавало для мусульманскихъ своихъ подданныхъ такихъ узаконеній, какими опредѣляются права христіанъ на Востокѣ по мусульманскимъ законамъ, о чемъ желающіе могутъ прочесть въ магистерской диссертациі кандидата факультета восточныхъ языковъ (въ настоящее время доктора и профессора на томъ - же факультетѣ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ) Владиміра Гиргаса, изданной въ С.-Петербургѣ, въ 1865 году.

Н. Остроумовъ.

Ташкентъ.

8 Марта 1883 года.

2007096192